

18+

Андрей Затонский

Брызги первых дождей

Невыдуманные истории

Андрей Затонский

**Брызги первых дождей.
Невыдуманные истории**

«Издательские решения»

Затонский А.

Брызги первых дождей. Невыдуманные истории / А. Затонский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960727-0

Книга содержит три повести о походах 1988—1990 годов, написанные автором непосредственно после их окончания, то есть в возрасте 18—20 лет. Читателю она может быть интересна забытым своеобразием тех времен и походов тех времен, а также комментариями автора, уже солидно повзрослевшего и много раз изменившегося в жизни, к своему творчеству. Иллюстрирующие фотографии сделаны в ходе описываемых походов.

ISBN 978-5-44-960727-0

© Затонский А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление: 1988 – 2018	6
Одна неделя марта или правдивые рассказы о реальных событиях	7
Что-то вроде вступления	7
День 1: 23 марта 1988 г., среда	9
День 2: 24 марта 1988 г., четверг	14
День 3: 25 марта 1988 г., пятница	21
День 4: 26 марта 1988 г., суббота. Первое восхождение	31
День 5: 27 марта 1988 г., воскресенье. Второе восхождение	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Брызги первых дождей Невыдуманные истории Андрей Затонский

© Андрей Затонский, 2018

ISBN 978-5-4496-0727-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление: 1988 – 2018

В этом году у меня юбилей.

Тридцать лет назад я впервые сходил участником, и в том же году – руководителем в категорийный спортивный туристский поход.

Как и положено молодому студенту (комсомольцу, активисту и т.п.), был я рьян и горяч в оценке происходящего, и полагал свое мироощущение важным и нужным для окружающих. А потому писал о походах книги.

В походы тогда много народа ходило. Школьники ходили – безо всяких договоров с родителями и бутилированной воды на маршруте. Студенты ходили – билет до Москвы от Перми в купе стоил 28% моей стипендии, чего ж не ходить-то. Сейчас в районе 6—8 студенческих стипендий стоит. Взрослые ходили – их же отпускали в полный отпуск, а не на две недели со скрипом. Пенсионеры ходили – вот эти и сейчас временами ходят, сказывается закалка.

Жизнь за тридцать лет менялась много раз. И сейчас, возвращаясь из очередного похода, где ни Интернета, ни сотовой связи, опасаясь – в то же самое государство вернуться? Не случилось ли за время нашего отрыва от Большой Земли дефлот, война, новый пакет законов?

Последние изменения жизни приводят к тому, что в походы ходят все меньше. Множество коммерческих групп снуют по глубоко протоптанным маршрутам, отдельные энтузиасты умудряются собрать с области одну-две группы для походов высоких категорий сложности, но многое безвозвратно ушло в прошлое.

Слепок собственной памяти с этого прошлого я и предлагаю в виде этой книги. Как оно было в 1988-м, в 1989-м, в 1990-м годах.

Разумеется, сам я тоже менялся много раз за тридцать лет. Добрался до мастера спорта, чемпиона России и так далее. Моя точка зрения на излагаемые в книге события, конечно, тоже уже не та, что при написании этих текстов. Самому интересно читать и вспоминать, как молоды мы были, как искренне любили и верили, какие великолепные глупости совершали. Язык и понятийная система с тех пор тоже существенно изменилась, поэтому каждую повесть приходится излагать дважды. Текст излагается почти так, как он был написан много лет назад – разве что все фамилии удалены. А затем начинается разговор с самим собой в комментариях, ведь я уже совсем не тот, что автор этих строк. Мне есть, о чем с ним поговорить, со мной же двадцати-тридцатилетним, поспорить, а где-то и повздорить, понасмеяться или попечалиться. Заодно и объяснить тем, кому непонятны советские слова, что они тогда значили и какой подтекст несли.

В общем, моим ровесникам – приятных воспоминаний о своей молодости, юным читателям – удивления от того, что, оказывается, и так в жизни тоже может быть.

Одна неделя марта или правдивые рассказы о реальных событиях

Что-то вроде вступления

Началось это банально, как и полагается начинаться всяким интересным делам. Во время моего пребывания дома на каникулах я подошел к Надежде Ивановне и попросил ее сводить на весенние каникулы штабье в какой-нибудь дальний поход, на Кваркуш, Конжак или еще куда. Она загорелась. Мы говорили в райкоме около часа, потом шли по улице, и разговор не прерывался ни на минуту. Был январь, шел холодный крупный снег, и темнота лежала на городе, а разговор пробуждал к жизни воспоминания и заведомо несбыточные мечты. Такого вдохновения я не видел в ней раньше: казалось, она без конца готова говорить только о походах, планах, схемах, людях с рюкзаками, плохой и хорошей погоде, высоких горах и быстрых реках... Подытоживая, сказала: ^{1 2}

– Андрей, если у тебя в жизни будет два настоящих увлечения, работа и туризм, ты будешь вполне счастлив!

О семейной жизни я уточнять не решился.

Н.И. сказала, что сама вести не может, но попросит одного из своих воспитанников, бывшего штабиста, Влада. Она же привела его на штаб, куда пришли и родители желающих, чтобы решить, стоит ли отпускать своих чад в такое путешествие. ³

Ох он запудрил им мозги. И идти-то там совсем ничего, и спать-то в избах, а Денежкин – как на третий этаж по лестнице... Странные люди родители. Я не допускаю мысли о том, что штабье не рассказывает дома о прошлых походах, а, стало быть, папы и мамы должны понимать, что наобещанные блага цивилизации – лапша на большие уши. Но ведь сидят, довольно кивают и дают «добро» только, когда услышат заверение руководителя, что ничего плохого в пути не случится. Что стоит такое заверение, и неужели без него не ясно, что кэп будет стараться сделать все, чтобы не было печали? *Santa simplicitas!* ^{4 5}

Влад не хотел брать много народа, заранее предчувствуя, что группа получится тяжелой на подъем. Но просились и просились, и под конец набралось 16 человек. Ничего себе. Одно утешение – девчонок шестеро! Кого другого на край положим, а сами в серединочку. Впрочем, насчет края я иллюзий не питал. Народ собирался молодой, необстрелянный, померзнут ведь...

Выход назначили на 23 марта утром. 21-го вечером собрались все, и были веселы и слегка взбудоражены предстоящей кругосветкой. Танюша с кэпом опоздали – раскладывали дома у него продукты, и их ждали что-то около часа. Рюкзаки подобрали ничего, нормально, большинство «Ермаков». ⁶

Поначалу я слегка терялся, не зная, куда себя девать, говорил на отвлеченные темы с окружающими. Потом все общество разбилось на зоны по интересам, и разговоры стали спе-

¹ Секретарь райкома комсомола г. Березники, опытный турист.

² Членов Березниковского городского комсомольского штаба «Трубачи», командиром которого я когда-то был.

³ Все правильно, «на штаб». То есть на еженедельное заседание штаба

⁴ Captain, то есть капитан, руководитель похода.

⁵ Святая простота (лат.) Так Джордано Бруно приветствовал ледяную старушку, привнесшую свой вклад – вязанку хвоста – в его инквизиторский костер.

⁶ Да. Тогда считалось, что лучше станкового рюкзака «Ермак» и не бывает. «Бобы» советская промышленность стала выпускать через несколько лет, а чтобы шить самостоятельно, было невозможно достать материал.

цифичнее. Сережа все хотел показать, какой он большой и сильный, толкался налево и направо. Девушки стояли в сторонке и балагурили. Было бездельно, а потому скучно.

Влад сначала мне чем-то не понравился – не то своей «туристостью», манерами поведения, присущими «истому» туристу, но не вяжущимися со штабными привычками, не то медлительностью и опозданием, а может быть, тем, что ему не нужны были никакие советы: он знал все сам. Я как-то привык слегка хотя бы демократизировать решение любых вопросов, а кэп имел другой стиль. Впрочем, большинство народа было вполне довольны им, а себя я поприжал.⁷

Девушки веселились не по делу, одна Таня ходила неизвестно на кого обиженная и, по приказу кэпа, выдавала мешки с продуктами. Все это тянулось очень долго, как мне показалось, можно было вдвое быстрее. Нас с Витей приписали третьими номерами к уже готовым парам дежурных для страховки. Мы покричали для вида, весело повозмущались. Я попал, кажется, к Наташке – ничего, жить можно. Впрочем, не все ли равно? Перспектива вставать на час раньше не из приятных, но на обильный сон и так рассчитывать не приходится, так что часом больше, часом меньше...^{8 9}

Влад сказал: нужно раскладывать людей по спальникам. Я слегка удивился: помнится, после одного инцидента принудительную раскладку отменили. Она, конечно, не вымерла, но происходила негласно, а тут... Ладно, ему виднее, «жираф большой».

– Всем пофиг, как спать, или нет? – задал решающий вопрос командор. – Ну, раз всем, то я калибровать буду. Татьяну... – решительная отметка ручкой в списке, – я беру под свою опеку.

И так далее. К нам с Витей попали Юля с Ириной, а в мужской спальник, кроме всех прочих, попал Слава. Боже, как у него вытянулось личико!.. Сейчас заплачет. Витька увидел, обозлился, резко подошел к нему и оборвал на полуслове какую-то реплику. (Славка воззрился с недоумением: раз обошли, да еще обижают – ох и хам же он трамвайный!). А Витька сказал кэпу, чтобы клал его и меня вместо Славки и еще кого-то в мужской спальник. Кэп не протестовал. Славик расцвел, зараза. Вот бы ему...

Перспектива моноандрического спальника меня не шибко обрадовала. Сказать откровенно – пусть-ка молодежь прозябает (даже не от слова «зябнуть») в нем, а нам, старикам, можно бы (выразительное многоточие)...¹⁰

– Витя, похоже, ты перестарался, – только и сказал я ему.

Опосля этой разборки и калибровки мы сбежали по-английски не попрощавшись. Подготовительный день, а особенно, его финал, н произвел на меня приятного впечатления, о чем я Витьке и сообщил. Он пофыркивал, но тоже был не совсем доволен. Хотя насчет финала говорил, что так будет еще и лучше. Интересно, насколько правдиво? А я решил так: когда некто там, наверху, если таковой есть, решает судьбу крупной удачи или неудачи, то он учитывает мелкие обломы, вроде этого – алгебраическая сумма счастья и несчастья всегда равна нулю, это, к сожалению, закон. Так что, может быть, и в самом деле – к лучшему.

⁷ Вполне нормальная манера поведения, как я сейчас понимаю. Абсолютно точно, что я сейчас тоже и так же кому-нибудь не нравлюсь.

⁸ Очередность дежурства расписывалась заранее и строго соблюдалась. Нарушить ее мог только какой-то серьезный проступок, «попадание в черный список», за которое руководитель мог назначить дежурство вне очереди. Руководитель вообще много, что мог, и никто не спорил с этим.

⁹ Десятиклассница, в описываемый момент – командир штаба. Это важно помнить для восприятия тонкостей дальнейшего текста.

¹⁰ То есть уже восемнадцатилетним. Я и Витя были первокурсники МВТУ им. Н. Э. Баумана, все остальные упоминаемые персонажи, кроме Влада – школьники 8—10 классов.

День 1: 23 марта 1988 г., среда

Ночью я спал часа три. Около полуночи вышел проверить, попробовать лыжи, и благополучно сломались крепления. Бегом начал подлаживать, пригонять беговые, сажать на шурупы на эпоксидке крепления, мама шила бахилы, а еще рюкзак собран только наполовину... Веселая была ночь.

Утром к шести часам, как слегка рассвело, пошли с мамой в гараж смолить эти беговухи. Еле-еле хватило остатков смолы, и бензин в паяльной лампе кончился в обрез. Лыжи после просмолки напоминали леопардову шкуру. На вокзал приехал самым первым, и мы с мамой еще успели взять билеты на Пермский, на второе апреля, чтоб ехать назад, в Москву, прежде чем съехались туристы.

Все, как всегда, были веселы. Витька водрузил на себя бинокль Юли Маленькой с явным намерением с ним не расставаться и оглядывал «секретные объекты» в окрестностях станции. Сергей слишком громко шутил и смеялся. Эдик держался в обычной своей манере «слегка не от мира сего». Костя был спокоен, он еще не осознал, куда поехал. Девушки держались стайкой, понакупили аляповатых значков и раздавали всем-всем-всем. Кэп был флегматичен. Таня и Надя забыли дома, с недосыпа, вареных кур, а потому рванули за ними.

Ох уж эти куры! Помнится, почти год назад на Усьву тоже взяли пару кур на предмет сварить и съесть. Я тогда выступал рьяным противником этой авантюры, так что на сей раз Таня позаботилась о том, чтобы заранее успокоить мои чувства, возникающие при виде розовоголубоватых тушек престарелых цыплят. Это она делала с максимально возможной дружеской нежностью, не опускаясь до фамильярности. Зря старалась. Ибо если я и протестовал когда-то вплоть до того, что коллектив под моим руководством окрестил съеденных «голубые гомозиготные куры Шабановской породы» и придумал еще много нелестных прозвищ их тощим косточкам, невесомым, эфемерным волокнам мяса на них и дебелий бегемотьей коже с закостеневающей остью, так вот – если я и протестовал, то для вида и для шума, а не для того, чтобы выкинуть этих цыплят... Ведь если зампомначхоз решила, что будут куры, то или будешь глотать крылушко и вспоминать Щукаря и вустриц, или будешь жевать все, что захочешь и что вокруг найдешь. А пошуметь-то оно приятно: сразу в центре внимания, а если что дельное сказать (правда, редко это бывает), то услышав, мимо ушей не пропустят; сказав же пошло, прощен будешь, ибо все помнят мудрое правило – не скользит тот, то не едет.¹¹

Кэп слегка нервничал по поводу завхозов, так как они явились только непосредственно перед поездом, и мы уже собирались закидывать их рюкзаки в вагон, а там уж как им Бог пошлет добираться. Но они благополучно приехали перед самым отходом и законно попали в черный список.

Сидим в поезде. Места заняли удачные, одно купе целиком наше. Я поспал пятьдесят минут, когда отъехали немного, и почувствовалось, что глаза слипаются. Потом хотел поспать еще чуть, но не сумел не прислушаться к разговорам в соседнем купе, и сон слетел сам собой. В основном, вниманием там владел Витька: громко разговаривал, верный принципу разговорной анархии, пел всяческое, в том числе похабщинки про поручика Голицына, и не сумел, или не счел нужным, остановиться на фразе¹² *a capella*

Я слез, пришел в общую толпу. Таня с Надей спали вобнимку. Эдик сидел на второй полке и читал или притворялся. Наташа глядела в окно и, вроде бы, мало обращала внимание на происходящее. Сергей «шутил», подобно Вите. Я же что-то не мел большого настроения, если и смеялся, то через силу, если шутил, наверное, глупо.

¹¹ Мы так любили нашу учительницу биологии, что просто не было выбора, чьим именем торжественно наречь сей продукт.

¹² Плацкартного вагона, используемого в качестве общего.

Поезд мчит. Дорога знакома: до Усьвы ездили не раз (а если конкретно, то пять раз), а от Усьвы до Чусового рукой подать. Снега вокруг, за окнами, подозрительно мало, увалы оголились, и где снег еще остался, там натоптанные за долгую зиму тропы возвышаются миниатюрными темными хребетиками, чернеют от грязи – видно издали. Солнце слепит всюю, и даже в вагоне, за грязными стеклами Казанского поезда, довольно светло. Я даже кое-что снимал кинокамерой. Надя проснулась, приподнялась, села, потягивается и не замечает, что потихоньку стрекочет камера. Вокруг глухо смеются. Увидела, отвернулась, пытается спрятаться, будто ей бедная кинокамера смертельное оскорбление наносит. Вот ведь неужели это столь неприятно, что с души воротит? Смеею предположить, что нет, а так, поиграться хочется, вот и вся причина этих ужимок. Таня тоже проснулась, села, сразу увидела, что идет съемка, и, недолго думая, высунула язык. Очень мало людей перед фото- или кинокамерой могут себя вести естественно. Кое у кого это безусловный рефлекс: как заметят, что их снимают, так в лице меняются и страшные становятся, будто...^{14 15 16}

Толпа приутихла. Едем уже прилично, и первые эмоции на исходе. Кто бесился – спит, кто спал – не бесится, потому что не с кем: спят. Таня и Эдик лежат на соседних верхних полках. У Татьяны веселое настроение, она полезла щекотать Эдика, а тот уж и скорчился-скрючился, словно ему от той щекотки смерть смертная. Впрочем, сошлись в желании поиграть. Ему приятно, что до него девушке внимание есть, а ей только дай волю... Я еще, сдуру, начал Эдику деловые советы давать, как ее с полки легче обрушить, и все удивлялся поначалу, что ж он так пассивен. Витя сделал проще: с бокового места уперся унтом в верхнюю полку и задвинул ее вместе с ухажером почти что до конца. Мне понравилось. Я дурашливо заорал «Бис!» и схватил камеру. Витя с полным удовольствием сделал на бис, и кадр вошел в историю. Эдику это не понравилось: одно дело, когда Таня пальчиком, и совсем другое, когда Витя – да сапожищем.

– Витя, ну мы же комсомольцы, – укоризненно изрек он, что, впрочем, не произвело никакого впечатления. Интересно, как сюда может относиться комсомол?

Сидели, пели, немного дурачились. Когда перепели и дельное, и всякую муть, мы на пару спели «Интернационал» Матвеева и по привычке, как делали в общежитии, перешли на нормальный, общепартийный, Интернационал. Вокруг сразу появились такие выражения лиц, что мы так до конца и не допели. А после нам, не отходя от кассы, сделали внушение – мол, петь нужно не здесь, не так, не в таком настроении, а лучше вообще не петь, как бы чего не вышло. Конечно, мы допустили несколько циничную ситуацию, но вот что интересно. Кто-то протестовал против этого распевания искренне, но, не указывая особо лиц, можно с уверенностью сказать, что искренне возмущались не все. И когда мы привели неопровержимые доводы «за» типа того, что в дореволюционные времена его еще не так пели, и не там, и не тем составом, нам никто ничего толком возразить не смог. Вот ведь идеологи, а попадись им, так сказать, настоящий крепкий духом идейный враг, и пролетят, как фанера над Памиром. А интересно все же: с глубоко моральной и логической точки зрения, можно ли петь Интернационал или гимн не для случая, а для души, или даже не для души, а просто так?^{17 18 19 20}

¹⁴ Право, это казалось очень много. Пять самостоятельных походов школьников с ночевками, обычно на 1 мая и 7 ноября, брезентовые палатки, ночлег на ватных одеялах, вот это всё.

¹⁵ №112, Соликамск – Казань. Давно отменен, как и многие другие поезда, и даже березниковский вокзал.

¹⁶ Все правильно. Мы же с Урала, а тут в ходу «мараться», «играться», «стираться»...

¹⁷ В ГКШ «Трубачи» под гитару пели все, и каким-либо образом мешать песне считалось крайне дурным тоном. Песня это святое, она должна дозвучать. Впрочем, слово «святое», разумеется, не столько употреблялось, сколько подразумевалось.

¹⁸ Евгений Матвеев: «Последней баррикады бой утих, и воздух смолк»...

¹⁹ Да. Очень широко тогда употреблялось слово «цинично».

²⁰ И пролетели, как известно. Всей страной.

... Чусовой залит солнцем. Мы стаскали лыжи и рюкзаки к желтой стене какого-то железнодорожного здания, в вокзал не пошли: там шустро копошился цыганский табор. Кэп пошел за билетам, оставив всю массу у вещей и сурово предупредив: глядите, кабы чего не украли. Отсутствовал он довольно долго, и я, справедливо предположив, что он занят осмотром достопримечательностей местного буфета, нашел его там и спросил, не сводить ли людей в столовую. Года два назад был я в Чусовом несколько часов и запомнил, где круглосуточная столовая. Командор разрешил сводить туда народ группами.

В столовой были цыгане. Бог мой, какая непотребная, грязная и убогая национальность! Поглядеть на них, так станешь националистом. Кричат по-своему, по-русски и совсем по-русски в голос, того им давай, этого. Одна цыганочка, лет шестнадцати, взяла две тарелки с кашей, подумала и аккуратненько выгребла серым пальцем пшенку из одной на другую. Толстуха в засаленном платке, багровея лицом, на всю столовую доказывала, что кассир не в ладах с устным счетом и прочей начальной арифметикой. Цыганенок, взявши загорелой от грязи ручонкой сомнительный биточек, жевал его, не отходя от кассы в буквальном смысле, и поглядывал красивыми, но абсолютно пустыми черными глазками на окружающих. Все наше внимание, за исключением самой малой части, потребовавшейся на отвлеченные разговоры, ушло на цыган да еще на то, что кэп с Танюшей, придя питаться, уселись как раз в противоположном от нас углу зала, делая вид, что с нами не знакомы. Ладно...²¹

Шли назад, обсуждали проблему цыган дальше. Ни один большой русский писатель не прошел мимо цыганской темы – ни Пушкин, ни Лермонтов, ни, тем более, Горький. И всем казалось, что это нация душевная, свободная, самая свободная из всех возможных и невозможных народностей, еще бы – поле, верный конь, гитара, «эй, нанэ, нанэ, нанэ-нанэ-нанэ»... Посмотришь на них на вокзале, так ограничил бы им свободу передвижения конем и полем...²²

Вторая группа ушла есть и ко времени прихода электрички не вернулась. Кэп при помощи наиболее рьяных и верной Тани уложил уже лыжи в большие чехлы, чтоб удобнее таскать было, все готово, а народа – половина. Мы с Витькой что-то слегка вспыхнули по этому поводу и пошли, так сказать, навстречу. Смотрим, идут, как бы нехотя, не спеша, и мило беседуют. Вот народ! Командор ясно объявил время электрички, наверняка они слышали, как только что проматюгали прибытие, и – не спешат. Придали им ускорение и обнаружили, что еще кого-то из девчонок нет. Сделали пару кругов в районе вокзала, вернулись на платформу, а рюкзаков нет. Они уже в вагоне, и девчонки там же. Вот и вышло прямо по той морали: не перестарайся, усердствуя. Если бы кэп оттянул не их, а нас, за то, что пришли за три минуты до отправления, был бы прав. Вредная привычка беспокоиться за других.

Сначала я, Витька, Лена и еще кто-то ехали в тамбуре. Кого-то я не запомнил, потому что не видел, потому что мы сидели на ступеньках вагона и любовались пейзажами. Электричка шла медленно. Мимо плыли медные под закатным солнцем сосны, рыхлый снег, хранивший и проявивший от тепла все следы, оставленные на нем за долгую уральскую зиму, откосы, уже освободившиеся от снега, и голубое вечернее небо накрывало эту красоту. Куда там любой кремлевской стене, любому Китай-городу до простого уральского леса, где ели острее, чем готические шпили, а сосны рельефнее любого барокко! Воздух был свеж и текуч, и разговаривать о пустяках под стук колес было приятно. Дорога петляла, увалы по сторонам напоминали о том, что поезду предстоит проехать через хребет, а вернее, через три хребта Европейский, Главный Уральский и Азиатский.^{23 24}

²¹ Да. Сейчас за такие слова можно схлопотать уголовное дело, наверное. По статье о разжигании. Но нет уж тех цыган, о которых речь, и нет уж того первокурсника, которого можно было бы привлечь к ответственности. А слово из песни не выкинуть.

²² Да. Нетолерантно. См. предыдущее примечание.

²³ Не было в электричках автоматических дверей, ограничивающих свободу передвижения. Обычная дверь с нажимной ручкой, в любой момент можно открыть и подышать свежим воздухом. Считалось, что пассажиру вполне можно доверить

В вагоне толпа сама собой распалась на несколько групп по интересам. Одна группа, вкуче со мной, Витькой, Надей, Наташкой и Леной веселилась культурно. Пытались поставить оперу про «раз-два-три-четыре-пять», водяного, вспоминали «Бременских музыкантов» да так, что почтенные пассажиры вагона оглядывались и недоумевали – и откуда ж таких выпустили? Вторая группа, включая кэпа и молодежь, играла в кинга. Интеллектуальная игра. Третья группа была представлена наименьшим составом, но привлекала мое (и не только мое) пристальное внимание.^{25 26}

Эдик постепенно терял голову. Он первый раз пошел со штабом в поход и слегка одурел от близкого присутствия девушек, которые были совсем не прочь поиграть с ним. Сначала он просто подсаживался поплотнее к Ирине. Интересную он цель выбрал: сколько я помню с лагеря, она была всегда одной из строгих блюстительниц нравов. Для начала он скинул ботинки и вскарабкался на скамейку, где она сидела, под предлогом похолодания. Ирина посмеивалась; на противоположной скамейке Юля Маленькая смеялась громко. Ей тоже было интересно, а и что же будет дальше. Когда я обернулся в следующий раз, Эдик уже возлежал головой на коленях Ирины, а она вкуче с Юлькой чесала ему патлы. Надо было видеть, какое тонкое эротическое наслаждение было на физиономии Эдуарда! ... (выразительное многоточие.) Мне стало не то чтобы противно, но что-то около. Витя громким голосом, нисколько не смущаясь, произнес: «Какая пошлость!!» Они не среагировали. Мы намекнули Наташе как идейному руководителю, что сие действие никак нельзя оставить без пристального внимания. Она сделала вид, что не оставит.²⁷

Наступила ночь. Проехали Теплую Гору, Европейскую, и небольшой контингент откололся в тамбур смотреть на геодезический знак Европа-Азия. Мы с Витькой тихо пошли по поводу Эдика, который дремал, обьяв Ирину. Славик дремал, обьяв Надю. Татьяна, возбужденная недосыпом, ходила кругами. Юноши из молодых были снулые от малости сна. Коля стоял с нами и внимательно слушал, изредка забывая закрывать рот. Помнится, говаривали мы в рамках дозволенного, но на грани того, что в штабе считалось недопустимым. Он такого еще не слышал, по молодости, и внимал, учился.

Сначала за знак приняли какой-то фонарный столб, и громко прокричали «ура». потом ошибку поняли и исправили, троекратно восприветствовав настоящий знак, белый, похожий на маленькую буровую вышку. Он мелькнул так быстро, что подробностей я не разглядел. Электричка разогналась и бежала километров восемьдесят, не хуже столичных. Ледяной ветер холодил до печенок, а над горным лесом стояли яркие звезды зимнего неба, великолепный Орион, и Сириус холодно переливался, будто маленький яркий шарик перекачивался по черному бархату небосвода. Луна была в зачаточном состоянии и уже скатилась так низко, что не мешала видеть звезды. Глядели мы на них в бинокль, с которым Витька не расставался, хотя и препоганый он был – все в изжелта-зеленых тонах показывал, а воздух был чист, и у каждой звезды, до самых малых, простым глазом можно было различить цвет.²⁸

*А в комнатах наших сидят комиссары
И девочек наших ведут в кабинет .¹³*

заботу о собственной жизни и здоровье.

²⁴ Конечно, от хребтов там уже мало что остается, на этой широте, но станции-то с такими названиями и сейчас есть.

²⁵ Однако ж трезвая молодежь, распевая песни, в те времена пользовалась уважением. Сейчас правила проезда это запрещают.

²⁶ В карты то есть. Школьники. В электричке.

²⁷ Да. Строгие тогда были нравы. Домострой, фактически.

²⁸ Просто бесподобно в такой ситуации ехать, приспустившись из открытой двери вагона на пару ступенек лестницы. Жаль, что теперь это невозможно.

¹³ 1988-й год, напоминаю. Комиссарам управлять Советским Союзом еще целых три года.

День 2: 24 марта 1988 г., четверг

В Гороблагодатскую приехали к полуночи. Выгрузились. Занесли вещи в вокзал – на улице было свежо, предстояло несколько часов ждать поезд Свердловск – Бокситы. Поели в весьма средней по качеству и количеству круглосуточной железнодорожной столовке. Продолжалось обсуждение Эдика и Ко, да и он сам подавал определенный к тому повод, чрезмерно картинно заботясь о ней. Довольно весело, не сказать – смешно, было наблюдать это козыряние в воскресной школе.

Вышли из столовой, слегка насытившись. У Тани было хорошее настроение, ей хотелось слегка постоять на ушах. Витька решил предоставить ей такую возможность, точнее, с целью оценки ее массовых характеристик, предложил запрыгнуть к себе на ручки. Таня не преминула. Витя устоял, хотя и пошатнулся, после чего посоветовал ей искать кого другого, кто ее на ручках носить будет.

В зале вокзала пытались уснуть. Скамейки в Горе были до невозможности неудобными, с разделительными подлокотниками, чтобы одна персона сидела, а другая к ней присесть не могла. Дизайнеры заботились о чистоте нравов.

Витя плюнул на пол и на такой сидячий, с позволения сказать, сон, раскинул пену на кафеле пола, вторую – под голову, накрылся ватником и заснул. На скамейках же творилось нечто интересное. Я скромно уселся в уголок и нескромно начал наблюдать за обществом.

Наташка с Надей вложились в две ячейки скамьи, со всех сторон закидались куртками и отрубались.

Сергей крочился-крочился на сиденье и умудрился-таки уснуть.

Лена сидела рядом со мной и попыток спать не делала.

А вот за ней, дальше, происходило то, на что стоило посмотреть. Эдик, чтобы обеспечить Ирине крепкий и здоровый сон, поукрывал ее куртками, возложил ее голову на себя. Сидел он к ней подозрительно близко – уж не в одной ли ячейке, что само по себе парадокс, учитывая суммарные габариты. С другой же стороны на него облокотилась Юля Маленькая. Но по неопытности своей, мягкого лежбища Эдик из себя изобразить не смог, и Ирина все время пыталась устроиться поудобнее, а Эдик ее пытался уговорить тихим нежным шепотом. Кончилось это тем, что возмущенная помехами ее сну Маленькая вскочила, сказала:

– Ну что такое! Как только я начинаю засыпать, они тут же принимаются мурлыкать! – и ушла гулять со Степаном, которому тоже не спалось...²⁹

Реплика насчет мурлыканья мне понравилась, к тому же, Ирина с Эдиком, оказывается, беззастенчиво прозвали себя кошечками. Итак, теперь проблема – как сообщить Эдику, что он – мартовский кот, так, чтобы побольше народу вокруг, и чтоб к случаю, а не как штучка-турка с потолка? Думаю, это будет действенно. Сон так и не соизволил придти ко мне вплоть до самого прибытия поезда до Бокситов, чему я был не слишком рад. Хочется, не хочется – ночь существует для того, чтобы спать, пусть сидя, пусть стоя. А денек, сдастся, будет не из легких. Кэп обещал на сегодня километров несколько, а первые километры – они, говорят, самые трудные.³⁰

Билеты в поезд достались неудачные. А может быть, и удачные, с какой стороны посмотреть. Плацкартные, но в четыре разных вагона: 2, 11, 12, 13. Мы втроем с Витькой и Сергеем попали в 11-й. Пришли, там, естественно, сонное царство – четыре утра, как же еще. Всунули

²⁹ Не Степаном, но реальных имен без повторов уже не хватает, а фамилии я решил не писать. Хотя, к моему огромному сожалению, этот герой повествования уже точно не привлечет меня к ответственности за свои персональные данные. Инсульт в сорок лет плюс оптимизация медицины в Березниках. Поэтому пусть здесь будет Степаном. *Каким ты был, таким остался: Орел ной, казак лхой... стень*

³⁰ Сам не верю, когда читаю, что и насколько меня беспокоило (С)... *триста лет тому назад*

лыжи на третью полку, вложили рюкзаки, и молоденькая, испуганная появлением этаких мавров, проводница сообщила, что у нее только два места, и те – верхние боковые, а соседние вагоны она уже обегала, и там нет ничего, так что... Да, но может молодые люди соблаговолит подождать два часа, на такой-то станции у нее выйдет уйма народу... Проводнице было явно неудобно. Еще бы: двое с лыжами, особенно, в ее невыспатых глазах, виделись ей, наверное, чем-то очень большим. Я большим видетсья не мог, но держал нож в ножнах на поясе, а об оплывших за время сна в Горе лицах и говорить не приходится.^{31 32 33}

Коротко говоря, два часа мы болтали в тамбуре. Сначала разговор был пристоеен, но когда фаза совсем взыскрила, посыпались реплики очень выразительно многоточного класса. Сперва Сергей только вскрикивал: «Какая пошлость!...», а уже через полчаса то же самое говорили ему мы.

Плохо вспоминается, как я очутился на нижней боковушке, где и проснулся часов в одиннадцать. Вроде бы ехала там какая-то бабушка, а может, дедушка, или не дедушка вовсе... Да не все ли равно? Главное, что некоторая «провинность» ни в чем не повинной проводницы (часа в тамбуре стояли, ах они бедные!... – было написано на ее лице всякий раз, когда она проходила мимо) толкнула ее на нарушение инструкции, и мы валялись на матрасах, не взяв белья, что строго воспрещено. два³⁴

Утро было тяжеловатым. Несмотря на былую долгую практику недосыпов, голова погудывала, и хотелось есть. Сходили в буфет, оставили там трояк и запаслись чем-то не слишком вкусным, но съедобным. Во время поедания этого, мимо, в тот же буфет, прошла другая делегация, но лимонада ей уже не досталось. Воистину, Господь знает, кому дает: они-то всю ночь спокойно спали...³⁵

За окошками стали появляться возвышенности, снега на которых было до обидного мало. И зачем, спрашивается, брали мы лыжи – на смех окружающим? Солнце светит ярко, каждое дерево обтаяло до земли, и остатки снега быстро и верно превращаются в воду. Ладно, кэп знает, что с собой брать, а что – нет.

Помня, что на билетах было ясно написано – до станции Бокситы, мы на этой станции похватили вещи и вылезли из вагона. Сонный командор тоже вылез, почесывая пузо, но... без вещей. Увидя нас, он растерял остатки сонливости и, после пары комплиментов, объяснил, что на Бокситах кончается власть МПС, а дальше, до Североуральска, куда мы, собственно, направляемся, нас повезет по заводской ветке мотовоз, а посему надо залезть в вагон и не рыпаться, а что насчет сообразительности...³⁶

Лыжи мы втащили не к себе, дабы не вводить в смех проводницу, а в 13-й вагон, где ехали Эдик, Коля, Юля и Славик. Погуляв на улице и полюбовавшись на открывающийся из-за маленького вокзального домика вид на горы Золотая и Пумпа, соединенные провислой перемычкой, пожужжав кинокамерой, мы вошли в вагон. Там было маревно и...³⁷ *томно*

Слава, явно чем-то не совсем довольный, сидел на лавке. Напротив с краю сидела Юля с несправшимся лицом и смотрела отчужденно. Головой на коленях у нее приютилась Ирина, за которой в углу сидел помятого вида Эдик. При нашем появлении он издал тихий

³¹ А ведь не было возможности эти билеты взять заранее, вообще и никакой. Единственное – ехать до станции отправления, наперегонки бежать в кассу, кто успел, тот и взял. Кто не успел, за три часа до отправления будет первый сброс билетов, надо именно в этот момент оказаться у окошка. Не повезло – за час будет второй сброс, в шутку называемый ... Если и тут не повезло, из вокзала никто не гонит, он на ночь не закрывается (ни один!), сиди сутки до следующего поезда. *бронь обкома*

³² Сам себя не похвалишь – кто же осмелится?

³³ И ни один милиционер не находил повода придратсья. А полицейских тогда не было, то ли уже, то ли еще.

³⁴ Не был я специалистом по физиогномике, что поделать.

³⁵ То есть жутко много. В столовой можно было поесть копеек на 80, рубль съедался с трудом.

³⁶ Министерства путей сообщения, в вольном толковании – РАО «РЖД»

³⁷ Специально не исправляю. Конечно, Кумба. Но тогда не было ни бумажных карт, ни мапс. гугля. Незнакомые названия вновь увиденных гор приходилось выяснять в разговорах с аборигенами, а разговаривают они всегда невнятно.

стон и нежно прилег (да простят меня!..) на таз к Головиной. Та повела бедром, и Эдик, дабы не улететь на пол, сел. После повторной неудачной попытки он восстенал, что ему было так удобно, а она... Она промолчала. «Какая пошлость!» – хором подумали мы и удалились в тамбур. Очумел Эдуард... как там его по бабушке, не знаю.³⁸

Североуральск встретил ветром, солнцем и обилием конкурентов. Насчитали групп семь, не меньше. Рюкзаки свалили в кучу, кэп побежал в КСС, приказав накормить народ в близлежащей столовой. Народ поел в столовую, мы с Виктором остались дежурить над рюкзаками и посоветовали Наташке остаться с нами – был разговор по поводу, и вообще провести время в разговоре с ней приятнее, чем с другими девушками. Ей не особенно хотелось идти есть во вторую очередь, а может быть, просто постеснялась, но все же начала склоняться к воплощению нашего совета, да Ленка увела под шуточку. Вот спасибо-то...³⁹ *котика*

Туристы трапезовали долго. Мы успели завершить тему разговора, хотели написать «клеветон» на этот случай, я даже слазил в рюкзак к Наташке и уже почти добрался до маленькой записной книжки-дневника, как вдруг наткнулся на тугую скрутку розовой туалетной бумаги. Это привело меня в такое смущение, что я поспешил застегнуть карман, и больше туда не совался, дабы не найти еще чего эдакого. Еще я успел поговорить с какой-то общительной бабушкой, которая сообщила, что город большой, «большой город – на шахтах, поселках вон народу сколько», люди хорошие, лучше, чем на европейском Урале, а сын у нее в Березниках в танковых служил, и люди в тех Березниках – нелюди, и вообще, Североуральск лучше, жрать, конечно, нечего, только в Европе еще нечего... Все бы ничего, но какие такие танковые в Березниках? Никогда их у нас не было. Служил, наверное, шофером в стройбате или на автобазе колодки клепал...⁴⁰

Толпа начала возвращаться. Сходили и мы, поели. Не особо качественно, но и недорого. Что самое интересное, что здесь, то в Гороблагодатской – чистые вилки и ложки. Нонсенс – после Москвы, конечно. В столовой подсел кэп и после недолгих уговоров поделился планами. Выедем мы не во Всеволодо-Благодатское, как все нормальные туристы, а в Баяновку. Туда и автобусы ходят чаще, и есть возможность проехать в обман МКК 40 км на машине до Крива Сосьвинского, а там – 10 км до Сольвы, куда нам и надо. Стандартный же вариант – уехать на Всеволодку и 44 км пешком за два дня, и машин там быть не может. Вся глубина замысла руковода раскрылась потом, тут же я мысленно пожал плечами – плохо еще представлял, какая разница – 40, или 50, или 10...⁴¹

Вернулись. Люди стояли, пели. Мне что-то не захотелось, но я бы встал в круг, да одному вдвигаться неудобно было, а Витька наотрез отказался. Интересная у него метода – в поведении мало считаться с окружающими, если нет ничего военного. На мой взгляд, все-таки нужно слегка придерживаться в рамках, которые делает коллектив или даже просто собеседник. Но на сей раз я отошел на середину привокзальной площади, снял панорамку, а потом мы прогулялись по лиственничной аллее до центральной площади городка, метров четыреста, поглазели и вернулись обратно. А городишко-то махонький, зря та бабушка его преувеличивала.

Туристы отпелись, разошлись кучками. Влад объявил время автобуса – до него оставалось минут сорок. Мы выпросили у Наташки листок и ручку и принялись сочинять клеветон

³⁸ Эх, ну почему ж он, почему на я?!

³⁹ Контрольно-спасательная служба, в вольном толковании – подразделение современной МЧС. Они тогда были, работали, спасали, и отмечаться у них было обязательно.

⁴⁰ Чудо чудное. Неужели это был я?

⁴¹ Маршрутно-квалификационной комиссии, общественным органом выпуска на маршрут, оценки походов, аттестации туристов и присвоения разрядов. Это был очень влиятельный орган, он имел печать, что в СССР было редкостью, и эта печать имела вес. И у милиционеров на вокзале, и в кассе на автостанции, да и просто слова «у меня тройка участия» наполняли произносящего гордостью. Всё куда-то делось, на момент корректирования книги МКК это одна из неглавных и нищих комиссии соответствующей федерации, разряды не присваивает, да и немного где осталась.

на события прошедшего времени, так как в дневнике, что мы читали, было написано довольно скупо и неинтересно. Клеветон вышел ядовитый. Не помню его дословно, но был он лаконичен, и каждое второе слово несло по две нагрузки. Сначала описывался теплый вечер, а потом через две-три фразы шли слова типа или , а далее – кто, как и об кого грелся. Про «котика», дабы не заострять особо внимание, было всего несколько предложений, но из них брызгал яд. Что-что, а связать мы еще можем... *холодало ночь обещала быть холодной* ⁴²

Поданный Наташе, клеветон выявил некоторый интерес к этой проблеме, но наблюдать долго мне не удалось, поскольку Эдик тоже проявил интерес, и пришлось его деликатно убрать подальше от места, где девчонки читали и фыркали. ⁴³

Пришел автобус, и набилась в него чертова уйма народу. Сначала думал, что не уедем, но, оказалось, влезли чудным образом все, и поехали все. Основная масса вошла в переднюю дверь и пела песни, а я залез сзади с лыжами, Костей Катаевым и еще некоторым контингентом, включая Эдика. Разговор зашел смазливый, и как-то подошло под руку – высказал ему насчет мартовского кота. Он внимательно осмотрел меня, себя и тоскливо подумал, что бы мне в ответ этакое отмочить, но не нашелся ни сразу, ни потом. ⁴⁴

На заднем сидении сидел один интересный товарищ и походя вел экскурсию по проезжаемым местам. Ничего, занимательно. Вокруг то, что раньше читал в книжках про всяких сибирских геологов, аляскинских промысловиков и т. д. Грязь невозможная, автобус ковыляет по дороге еле-еле, параллельно идет однопутная железнодорожная ветка, пустая и даже без столбов... ⁴⁵

Баяновка – домов семьдесят, наверное, большое село, магазин, клуб. Девушки сразу же смотались в промтоварный, Татьяна какую-то тушь для ресниц даже приобрела. Вот ведь девичья натура: надо-не надо...

Влад куда-то ушел искать машину на Крив, мы остались в маленькой будке на остановке. Прогретый солнцем павильон, чистый и ветхий, согревал душу теплом отполированных временем досок. Было приятно расслабиться и расплзтись мыслью по давно некрашеному дереву. Рядом, на крыльце клуба, пристроилась пермская группа, ребята – школьники, собрались с нами до Крива. Наши порасселись в будке после посещения магазина и всего остального, как делать нечего стало. Лена гадала на картах Эдику. Степа как ремонтник что-то подштопывал, Ирина подавала ему иголки. Мы отвели Наташу в сторону, спросили – как клеветон? Хорош, ответила, но не для дневника, а для общего образования. А что насчет котика? – Скажу, говорит, Иринке уже намекала. И так это все сухо и с чувством собственного немалого достоинства. Вот ничего себе, думаю, командирский тон проявляется. «А какое, – говорит, – вам вообще дело до них?» Типа того, что пусть что хотят, то и делают. Я немного растерялся от такой постановки вопроса и, надо сказать, очень нескоро нашел приемлемые доводы насчет того, что дело есть, и как же без этого. Вобщем, разговор не получился, Наташа явно не захотела обсуждать эту тему. Вольному воля. ^{46 47 48}

Пришел мрачный начальник. Почти договорился с каким-то шофером, но у нас, русских, чуть-чуть, как известно, не считается. Последовал приказ – топать за околицу в лес, а утром, может быть, уедем.

⁴² Когда котятятся не с нами. Что поделать, все мы люди, и с каменных веков люди не так уж изменились.

⁴³ Еще раз: актуальному командиру городского комсомольского штаба. Это, конечно, не помощник секретаря райкома комсомола, но очень важный товарищ, и в рамках штаба очень влиятельный.

⁴⁴ Да, мне тоже уже надоело читать. *про это*

⁴⁵ Вот от него мы и услышали «Кумба», а поняли «Пумпа».

⁴⁶ А не Эдику, заметим.

⁴⁷ Очень хотелось, чтобы похвалили, и чтобы наша нестигаемая воля привела к изменениям в окружающем мире.

⁴⁸ И, к сожалению или счастью, этого совершенно не помню. И не понимаю.

Пошли. Я все бегал, пожужживал кинокамерой, а туристы обнаруживали неумение ходить кучно и быстро растянулись на приличное расстояние.⁴⁹

Костя явно не знал, куда ему девать сумку с теми самыми курами, за которыми Таня с Надей лётали в городе. Ему эту сумку доверили донести до леса. Он тяжело пыхтел и часто перебрасывал авоську из руки в руку.

– Закинь на рюкзак, – посоветовал я. Он попытался, но малоуспешно.

– Да. Так. Я. Еще. Не. Ходил, – сказал он с передышками.

Поскольку прошли всего метров триста, я с интересом представил, что же он будет делать завтра на десяти километрах, и поинтересовался, ходил ли он вообще в походы. Костя рассказал, что ходил – в какие-то парусные, где, коротко говоря, довозили до места и назад от места. Да, весело ему будет завтра.

Пришли в лес. Сосенки стоят приятные такие, душистые, полянка, как для нас приготовлена, и две группы – пермяки и еще одни пермяки – уже кашу варят. Побросали вещи, вытащили топоры. Бог мой, ну и молодежь пошла! Стоит от (имярек) около сушины и тяп... тяп... тяп... То ли дело – Виктор подойдет, прицелится, ррраз – неси, имярек, а топор-то оставь, ни к чему он тебе...

Дрова напластали быстро, Славки принялись костровать, а большая половина принялась за палатку. Витька пролез вовнутрь, встал временно вместо кола, вернее, около него, и все кричал, что он – золотая рыбка в океане, и его поймали неводом. Под неводом, очевидно, подразумевалась палатка.

Палатка, кстати сказать, была у нас интересная – белый двенадцатиугольный шатер с дном и дыркой под трубу, «нулёвый» – могу представить, сколько усилий понадобилось Владу, чтобы взять его в турклубе! Существенным неудобством являлось то, что шатер приспособлен был для постановки на снегу, в который легко втыкаются лыжные палки, а не на мерзлой земле, куда и кол-то топором не загонишь, не попотевши. Молодежь встала по углам, а я бегал кругом с мотком киперной ленты, подвязывал углы, колотил колышки, но все равно постановка вышла не слишком ровная. И Бог с ним: стоит, и ладно. Внешний вид – белый шелковый купол, один сегмент, противоположный выходу – оранжевый, чтоб впотьмах выход не искать, по стенке не бегать – скрадывал небрежность постановки. Соседи тихо завидовали: их брезентушки не имели ни вида, ни вместительности, а только немалый вес, как любая советская палатка для массового туризма.^{50 51}

Ужин поспевал. Саша махал топором, тщетно борясь с сучками. Славка усердно дул в костер. Девушки стаскали рюкзаки под одну сосну, собрав их с большой площади, по которой их разбросали мастера-туристы. Сильные девушки. Мы при помощи Лены раскидали пену и спальники по палатке и устроились поваляться, и тут произошел небольшой инцидент.

Дело в том, что кэп, лишенный на два года армии общения с культурными штабными людьми, приобрел привычку говорить некоторые выражения. Одно из них, наиболее цивилизованное, которое он регулярно употреблял, это «нафиг» и все его комбинации, какие только возможно придумать. И падкие на подобные вещи штабисты, и мы вместе с ними, стали употреблять то же где попало. Вот кто-то слишком громко послал кого-то нафиг, и раздался металлический голос Наташи, обещавший смертные кары нафигистам. Но угораздило же Витьку почти что вслед за этим, в приватной беседе в палатке, но чересчур отчетливо, повторить данную реплику, и предупреждение последовало уже в персональный адрес. Да таким

⁴⁹ Да! Она у меня была! Это была невидинная роскошь... и лишние 5 кг в рюкзак, потому что надо было тащить не только двухкилограммовую трехобъективную «Неву» на шею, но и кучу катушек с пленкой. Потом их проявлять, путем склейки монтировать фильм и гордо демонстрировать. Все смотрели с интересом.

⁵⁰ То есть ни разу не использованный: следы даже одного употребления на зимней палатке остаются навсегда.

⁵¹ «Зима». КСС умерли, МКК туда же движутся, а «Зимы» остались до сих пор.

жестким голоском... Он обиделся, но промолчал. Командирша – пусть ее командует. Но долго еще ходил и про себя возмущался – вот ведь, зубы, что ли, режутся...

Солнце садилось. Куры варились, побулькивая в котелке. Мы с Витькой и Леной сидели в шатре и душевно беседовали. Вылезать не хотелось – все же несколько намотались за день, да и ночь была не в лучшем варианте. Но желудок, ясно расслышав призыв к вечерней трапезе, шуру выгнал нас наружу. Куры были ничего, если учесть, что давно уж не ели. Во время ужина кэп вспоминал былые похождения – как ходили, как их на вертолете откуда-то вывозили, как «Уралкалий» за это полторы тысячи выложил... Витька фыркнул и сказал, что не любит людей, которые обмениваются в одностороннем порядке воспоминаниями с малознакомыми личностями. Я бы и послушал, но тон кэпа мне отчего-то тоже не понравился, и я с ним пошел заниматься благородным делом – обрубать нетолстые сухие пенечки на костерок. Народ не очень понял наш порыв, но мне было как-то все равно. Пусть-ка и народ голову поломают, что это нам в голову ударило, а то уж и думать разучились, как издали посмотришь. А может, кажется: старики, и штабные тоже, всегда горазды на молодежь поворчать.^{52 53 54}

Ночь приближалась. Немного похолодало, и стал поддувать легкий, но препротивный из-за своей температуры ветерок. Начальник приказал – спать и полез в палатку, распределив на первые два часа дежурных по паре на час: Баяновка рядом, а кто, что там – кто его знает. А рюкзаки на улице и т. д. и т. п. Все, короче, правильно. Мы попали дежурить с часу до двух ночи, а перед нами – Лена с Наташкой, у которых было некоторое настроение для бесед. Мы немного поговорили, и около половины одиннадцатого они залезли спать. Мы спать не хотели, да и углубляться в спальник, где мерзли Эдик с Сашей, не допущенные до лучшего места, не было желания.

Ирина со Степой дежурили, жгли на соседней березе шахтерку – мыли посуду. Вот чудики, нет чтобы экономить электричество, которое нужно будет еще целую неделю, подтащились бы к костру поближе – да и теплее у него. Помыли. Степан уселся сушить резинки Ирины, я сушил валенки Кости, в которых он сегодня походил весь день. Не шибко веселое было занятие, если учесть, что литра два воды в них было. Сидели и тихонько беседовали на не помню уже какие темы, изредка отходили искать в темноте пеньки, или сучки, или что другое горящее, но поиски, как правило, были безуспешны. Если бы просто темнота, то еще ничего, а то над баяновской автобазой засветили здоровенной мощности осветитель, и он прилично слепил глаза.⁵⁵

На огонек прибегали парами и более местные собаки и живо интересовались нашим бытом. Молодежь их шугала, кидала дефицитными сучками; мы с Виткой мирно с ними беседовали и в конце концов договорились, что они после часа уже не появлялись.

Время шло. Валенки сохли, портянки я уже мимоходом высушил. В гости пришли соседи – пермяки, трое юношей: два – десятый класс, один – девятый. Мы тихонько посидели, и пришло время будить следующих дежурных, что Степа, забираясь спать, и сделал. Вылезла Наташка, страшенькая после часа сна, и Ленка – не лучше. Полязгивая зубами, присели у костра на заранее принесенные нами чурки. Пригрелись. Почти одновременно вылезла Юля по причине неумения спать в тесном спальнике. Странные люди – готовы не спать, под-

⁵² Градообразующее предприятие Березников, сейчас ПАО.

⁵³ Годовая зарплата начинающего инженера.

⁵⁴ Сейчас мне, разумеется, не нравятся те, кто у костра не слушает – ведь я, действительно, рассказываю интересные и нужные для начинающих туристов вещи. Полагаю, что и Влад тогда с высоты своего опыта рассказывал нужное и интересное для нас. Чуть-чуть меня оправдывает, что мне все же хотелось послушать... но вот поддался. Я вообще тогда поддался охотно. *меня*

⁵⁵ Шахтерка «садилась» часов за пять, фонарики на батарейках – за час.

жариваться со стороны костра и подмерзать – с другой, только бы не пихаться в спальнике. Тут мораль одна: спать захочешь – и стоя уснешь.⁵⁶

Пермяки с малоскрываемой тоской посматривали на наших девушек, ибо группа у них была моноандрическая.

Кто-то предложил поиграть в откровенности. Смысл игры такой, что в кругу кто-нибудь называет первое попавшееся число, это количество отсчитывают по часовой стрелке и тому, на кого попадет, называвший вопрос задает вопрос, считается, что любой, и отвечать надо только искренне. В принципе, игра ничего, только играть надо ограниченным кругом, только свои, и система распределения вопросов должна быть другая, ибо в кругу до десяти человек (а больше-то и не надо) каждый элементарно просчитывается, и получается, что вопрос задаешь тому, кому захочешь, только скрывая это. Какая уж тут откровенность, если с невинным видом говоришь «пятнадцать» и твердо заранее знаешь, у кого и что будешь спрашивать.

Эта игра гостей наших укачала. В самом деле, что спрашивать у незнакомых людей? Имя – фамилию? Смех. Одно было развлечение – около половины второго подъехали два баяновских камикадзе на мотоциклах, один – без света, постояли десять минут у костра. При их приближении я аккуратно нащупал и придвинул поближе к себе топор, но ожидания не оправдались. Мирные гости попадись.⁵⁷

Играючи, к концу игры, я уже весьма приблизительно соображал, что и как спрашивать, и мои вопросы остротой не блистали. Витка все спрашивал интересные вещи, но это я уже плохо помню. Осталось в памяти, что Наташка здорово смушалась после некоторых вопросов, и только. Но ей, как мне показалось, такая игра в таком обществе понравилась.

Пришло время – полезли спать, все четверо: девчонки продежурили и наше время в беседах и прочих занятиях. К концу дежурства постепенно, как всегда от бессонницы, появились истерические смешки, а как сунулись в палатку, такая веселость нас обуяла, что начали ржать по мелочам, но громко. Люди стали протестовать, но нам было все равно, особенно когда мы при виде спальников вспомнили пикантный факт, что Слава изъяс Сашку от Нади и примостился туда сам. Сей факт породил длительное обсуждение у костра и маленькие громкие шпильки, которые фигранты, без сомнения, слышали. Лена с Наташей залезаючи полусшепотом и в легальных выражениях костерили соседей за холод в спальнике. Мы не ругались, хотя в нашем тоже было весьма прохладно. Эдик покойно мерз с внутреннего края. Сашка, изгнанный и тем до момента усыпания обиженный, свернулся буквой ξ (зю) и занял полспальника, открыв огромные отверстия для входа свежего очень холодного воздуха. Это мы быстро преодолели, свернув Сашу раза в четыре, и влезли, смеясь непотребно, в том числе от надвигающейся опасности дать дуба. Но и это we'll overcome, ибо как я подкатился к Витьке под спину и подмял спальник, чтобы не трогать на соседей лишних мегаджоулей, мне все стало до луны тропина, и на ближайшие три с четвертью часа (а подъем намечался в 5:30 утра) выключился я без снов и забот.

⁵⁶ Тоже в зимнем лыжном походе. Я к тому, что наша группа не представляла собой ничего уникального – в весенние каникулы тысячи детей направлялись в леса и сугробы, без всяких договоров с родителями (достаточно «ладно, иди»), Роспотреб- и прочих надзоров, медицинского сопровождения при переезде более четырех часов и запретов почему-то ехать ночью на автобусе. В общем, без всякой современной дури, якобы продиктованной заботой государства о безопасности детей (которым через год в армию).

⁵⁷ А если б оправдались, никакого толку от топора в моей руке не было бы.

День 3. 25 марта 1988 г., пятница

Утро было тяжелое – поспали всего около четырех часов. К шести часам, по уму, надо было попасть на автобазу, чтобы попытаться еще раз повернуть то, что кэп пытался сделать весь долгий вечер – найти машину до Крива Сосьвинского, сорок с лишним километров, которые совершенно незачем идти пешком.

Перво-наперво Влад оттянул нас за то, что посмели напоить себя и пермяков чаем. Чая завхозша, чтобы, так было сказано, не нести лишнего (!), взяла вобрез. Кэп был пасмурен и вообще не в духе. Его обычное спокойствие спокойно переходило в мирное недовольство всем окружающим. Ирина, которая вечером информировала нас, что чай остался лишним (естественно, мы этому очень мало поверили, но восприняли ночью с радостью: чай у костра – первое дело!), ходила по струнке, осознавая (быть может) свою вину. Тоскливее всех выглядел Эдик. Он ходил кругами около костра, отогреваясь, и, сначала в ноющем духе, а потом все увереннее и увереннее утверждая, что сегодня замерз и на следующую ночь ползет спать к девчонкам. Я, каюсь, ехидно высказывал сомнения в жизнеспособности такого варианта, отчего тотк с еще большей наружной уверенностью бегал и декламировал. Бог с ним, но сомнения у меня были искренни. Впоследствии оказалось, что я не ошибся.

Что-то съели, что-то испили. Кэп злился: время шло, а неорганизованный народ никак не мог собраться. Особая проблема была с веревками. Когда ставили палатку, я собрал дефицитные веревочки со всех, ибо много их надо было, и теперь туристы бегали и спрашивали, а и чем же привязать пену или спальник. Ситуация была, с одной стороны, комичной, с другой же стороны, нужная машина могла уйти и без нас. Для привлечения к нам внимания шоферов и на другие нужды народного хозяйства кэп припас три поллитры. Еще в поезде, Витька во вверенной ему на время сетку с курами обнаружил искомую емкость и под наши с Сергеем смешки засунул к себе в рюкзак, для неразбиваемости упаковав бутылку в свои шерстяные носки. После этого мы долго изгалялись по поводу «носка», и мало кто мог сообразить, что же это за носок такой необыкновенный. Теперь носок был переложен поближе и готов к употреблению.^{58 59}

Тренировка – залог успеха. Даже я, е говоря уж о кэпе, успел упаковать свой рюкзак, собрать палатку, помочь Косте увязать спальник, а люди все еще терли тарелки снегом. Мне было все равно, но руковод кипел. Про себя, правда.

Пришли на базу. Тишина. Изредка раздается рев, из гаража вылетает машина и, не спрашивая, не подвезти ли нас, улепетывает в неизвестном направлении. А утро холодное, и дует ветерок, а оделся я (и не только я) с расчетом на переход, чтобы жарко не было. Жарко и не было.⁶⁰

Мужичонка из местных, что разговаривал с кэпом, набивал себе цену. И машины-то не туда идут, и не так везут, и шоферы – пьянь, и начальство – дрянь... Кэп терпеливо ждал,

⁵⁸ Это говорит о том, что снаряжение в поход было подготовлено плохо – «Зиму» еще дома кто-то должен был укомплектовать оттяжками, а руководитель – проверить.

⁵⁹ Водка продавалась по талонам, одна бутылка на совершеннолетнего в месяц. Отovarить талон было можно в одном магазине на окраине Березников в дикой давке и очереди, потому что хватало не всем. Так что три буылки, две из которых мы на свои талоны отоварили и привезли из Москвы, были существенным капиталом. Во многих случаях более важны и более действенным, чем деньги.

⁶⁰ Да особо и не во что было одеваться. Пуховки были у отдельных счастливиц или тек, кто был в состоянии а) достать нужную ткань, б) сшить самому себе, в) заполнить пухом или где-то добытыми обрезками синтепона. Остальные отделялись болоньевыми курточками на ватине, ватниками, я в этот поход ходил в суконке и т. п. То есть при внезапной задержке на холоде вытащить из клапана и накинуть жилетик было вообще нереально.

несмотря на то, что я пару раз подлез к нему с предложением выходить пешком, довольно-таки дурацким, как я потом уразумел.⁶¹

Внутри холодало оттого, что снаружи не теплело. Молодежь начала греться движением, да так буйно, что я опротестовал пару раз эту затею – на нас поглядывали косо, и кроме всего прочего, вполне мог найтись шофер, идущий на Крив, которому мы бы просто не понравились. А может быть просто дала себя знать моя довольно глупая привычка казаться спокойнее и сдержаннее, чем есть на самом деле. Иногда можно бы и порезвиться, а вот...

Короче, люди резвились, две пермяцкие группы глядели на них с долей оторопи, а я ходил кругами, поглядывая на дверь диспетчерской, куда то и дело скрывался Влад. Когда я сближался с Витькой, который тоже не принимал участия в забавах, мы обменивались мнениями о том, скоро ли придется помогать выносить начальника ногами вперед, буде он надоест аборигенам.

Но тот вышел сам со своим на англо-японский манер непроницаемым лицом. На распросы отвечал типа «там посмотрим». Вышел и мужичок, набивавший цену.

– Борода вам, ребята, – сказал он и пояснил, что «борода» не совсем, вон идет самый главный, тощой и опухший после вчерашнего, начальник. Ежели он того, то борода, а ежели не того, то может и дать, а может и не дать. Влад, заслоня плечами и начальника, и мужичка, скрылся в диспетчерской. За ним зашли два пермских руковода.

Мерзнуть надоело, и мы пошли в обогреваемую курилку, где пермяки резались в домино. Помнится, я, удачно присев на край лавочки и сдвинув пару конкурентов, умудрился заснуть и проспал минут десять, но тут вбежал кто-то и радостно завопил, что машина есть. Выбежали. Погрузка уже шла полным ходом в ЗИЛ-157 с небольшим кумганом. ЗИЛку предстояло везти тридцать человек сорок километров. Я тихо посомневался в его возможностях и полез вовнутрь.

Расположился я не совсем удачно. На мне сидел десятиклассник Сережа, завхоз пермяков. Его основание в твердости и остроте не уступало моим коленям. Страдали от этого мы оба. На Сереже сверху сидел наш Саша. Он не страдал: его зад гасил импульс от сережинных коленей запросто, просто вследствие своего объема. Остальные расселись кто как, кто и в более удачных вариантах. Поскольку мы ужались как следует, пермяки третьей группы сидели даже с комфортом, поодиночке. Сергей, зная слабость своего вестибулярного аппарата, примостился поближе к двери.

Опыт езды в тряских, темных и душных машинах у туристов ГКШ есть. Чтобы не укачивало и не смущало, безо всякого смущения надо орать песни без остановки, смеяться, дурить – все, что угодно, только не сидеть и не ждать, когда к горлу подкатит комок. Конечно, в ЗИЛке было не до гитары, но орали мы на славу. Пермяки лупились изумленно, а Сережа, который уже пообвык с нами, посидев ночью у костра, вошел от чего-то в экстаз и начал подпрыгивать на мне дополнительно к тому, что машину бросало. Я страдал и подтягивал.

Потом на каком-то особо большом ухабе Сережа подлетел вместе с Сашкой настолько, что за время их возвращения я успел обдумать и привести в действие план, состоявший в следующем: подпрыгнул посильнее, воспарил над кучей рюкзаков, а потом рухнул на нее. Не скажу, чтобы поза была особо удобной, но зато сверху – никого. Лежать на роге «Ермака» было невозможно, я скрючился и сел. Сережа оценил ситуацию и вышвырнул Сашку вслед за мной. Тот упал удобнее и откатился к окну, размером 15 на 20 сантиметров, где и лежал, перехватывая весь поступающий кислород.

ЗИЛок ехал немилосердно. В фургоне скоро нечем стало дышать, хотя изредка приоткрывали дверь, строго следя, чтобы Сергей, уже позеленевший, не вылетел наружу. В наиболее

⁶¹ Совершенно, крайне, несуразно дурацким. Значительно лучше плохо ездить, чем хорошо ходить. (С). *Наш лозунг не «победа любой ценой», а «победа, недорого»*

активные элементы все пели и балагурили. Вспомнили передачи советского и made in nepashe радио и, в меру способностей, подстраивали под них известные песни, а когда песня надоела, Надежда громовым голосом извещала: «Помехи!», и все хрипели-трещали-скрежетали, изображая, как доблестные радиотехнические службы накрывают всяческие империалистические волны качественным глушением. Интересный метод. Вообще-то в штабе принято допевать начатую песню до конца, и часто бывает, что она уж и надоест десять раз, а ее все тянут. А тут – «Помехи!» – КХГРРГГКХГРКГХ... С другой стороны, когда устали после часа езды и слишком часто стали обращаться к помощи помех, все быстро скисли, и наиболее бодрые с тоской и тревогой оглядывали зеленеющих окружающих, прикидывая, куда отскакивать, если что. Впрочем, как известно, если что, то начинается цепная реакция, и тут... Я бы на верхотуре еще, может быть, и уцелел...

К концу полуторачасового пути смешно мне уже не было, и только великая пятая основная сила, которой не ведают физики (стадное чувство), поддерживало дух туристов и мой, в том числе, на допустимом уровне. Ведь, с одной стороны, в заповедях штабиста написано: дави стадное чувство, всегда имей свое мнение. С другой стороны – иногда своего мнения лучше бывает не иметь, тогда, когда стадное чувство принимает форму коллективного мышления, «закона джунглей». Или когда «стадо» полагает, что надо, все-таки, держаться и не раскисать, как в этом случае.^{62 63}

Машина вильнула в сторону, затормозила так, что я чуть не въехал на рюкзачный монблан, и встала. Сначала, после тряски, и не дошло, потом поняли – приехали. Вылезли, выпотрошили фургон от рюкзаков, шофер сказал – ни пуха, его послали к черту, и он уехал. Третий мост, задний, почему-то вращался медленнее первых двух: интересно, как он нас вообще доведет?

День, на нашу голову, разгулялся. Светило яркое утреннее солнышко – время подходило к одиннадцати часам, небо нежно голубело, и было уже не так холодно, не дуло. Может быть потому, что отъехали на сорок километров, а в предгорьях это совсем немало. Руководы сходили «до ветра», заодно посмотрели лыжню и приказали – встать на лыжи.

Пермяки собрались минут на пятнадцать раньше и лихо ушли – первая пермская группа, с завхозом Сережей. Они собирались, не доходя до Сольвы, завернуть на перевал Ходовой и уйти в Пермскую область. Вторая группа решила идти с нами вместе до Сольвы. Собирались они еще хуже нас.

Между делом я спросил Влада, а отдал ли он «носок». Оказалось, нет. Начальник после вчерашнего пришел на работу с головной болью и тряскими руками и сказал, с трудом шевеля языком:

– Дать им машину; десятку сверх путевки – мне, десятку шоферу, и пусть проваливают.

Путевка до Крива тоже стоила червонец, так что с группы вышло всего ничего, и носок цел, если не разбился.⁶⁴

Начальник задержался – лыжи Нади, взятые на время у Надежды Ивановны, капризничали, некоторые личности еще не приготвилились, и вперед, по лыжне первой пермской группы, героически пошла Татьяна.

На лыжах я не стоял давненько, кроме легкой пробежки месяц назад по Измайлову, и не скажу, чтобы ходьба с самого начала доставила мне удовольствие. Однако, были такие,

⁶² Совершенно отличающихся от известных десяти заповедей.

⁶³ А ведь удивительно. Одним из принципов комсомола был «демократичекий централизм», подчинение меньшинства большинству. А в штабе вот такой волонтаризм – впрочем, действовавший до известного предела.

⁶⁴ Да как сказать. Купе от Перми до Москвы стоило 20 рублей, 10 – для студента или школьника, буханка хлеба 16—20 копеек, проезд в городском транспорте от 3 (трамвай) до 6 (автобус) копеек. С другой стороны на момент корректировки книги вахтовка вполне может стоить порядка тысячи рублей за километр, так что могло и 40 тысяч за такую поездку выйти, то есть две средние зарплаты. А тогда средняя зарплата была все же больше ста рублей, да и поборов было меньше.

кому, по объективным причинам, она доставила еще меньше радости, хотя рюкзаки самые приличные, после кэпа, были у нас с Витей, а у меня еще и кинокамера на шее болталась, так и призывая согнуться и постоять... согнувшись.

Таня остановилась – лыжня пропала. Совместными усилиями догадались, что пермяки пошли по Сольве, речке со светлым, изумрудно-зеленым и, на вид, очень непрочным льдом. Немного поколебавшись, решились идти по реке. Все равно руководителя не было рядом и спросить было не у кого. Выбрали на всякий случай интервал метров пять, пошли.

Ходьба напоминала блиставший некогда номер фигуриста Игоря Бобрин «пьяница на катке». Наибольшие усилия уходили не на перемещение, а на то, чтобы удерживать лыжи от расползания, себя – от отклонения с курса. Не у всех получалось: Серега шел тяжеловато, а Юлька все грозилась свалиться. А встать из положения лежа со льда, когда на ногах – лыжи, это проблема. Это генерал на себе проверял.

Свернули с реки. Доска с надписью «Заповедник Денежкин камень...» и дальше в том же духе, изрядно побитая из ружей. От доски в лес широкая дорога, на нее ушли пермяки, и те, и другие, а мы встали ждать руковода с Надей. Остановка была своевременная – километра полтора всего прошли, а у меня, например, появилась уже мысль о том, как бы поскорее закончить этот переход. Бледно, вернее, наоборот, чересчур румяно, смотрелись отдельные личности вроде Юли и Кости, да и все были не прочь отдохнуть. Поскольку это был первый день, что такое – десять километров на лыжах по плохой дороге мало кто мог себе представить ясно, я так не мог, а поскольку шли (и стояли) уже час с небольшим, у наименее сообразительной части народа появились мысли – а может, уже половину прошли? *Santa simplicitas!*⁶⁵

Появился Влад. Он «пас» Надежду, которая шла очень тяжело. И так-то, я подозреваю, не ходок она, да лыжи у нее барахлили. Она шла, поминутно приостанавливаясь, выпрямляясь, будто спина ноет, охая и снова делая шаг за шагом. Мы наблюдали это и вовсю отдыхали. Первая усталость сбегала с плеч и спины на лыжи и дальше – в начавший уже таять под теплыми яркими солнечными лучами снег. Без очков не совсем приятно было щуриться на белый свет. Юлька догадалась – сложила очки на самое дно рюкзака и уверяла, что они ей ни к чему, хотя лыжню не видно от блеска. Костя стоял и кряхтел под своим пудом, пока ему настоятельно не посоветовали его снять. Степа кому-то починял рюкзак или лыжу. Сергей в голос «хвалил» свои надежные почти что горнолыжные крепления, так что снег слетал с близвисящих сосновых веток.

Странное дело – у нас, даже на нашей широте, преобладает еловый лес, а тут, на целых полтора градуса севернее, в основном, сосенки и промеж – всякая лиственничность и лиственничницы, не соль ровные, как на Североуральской аллее, но все же красивые, с набухающими уже почками.

Кэп подошел, постоял, вдохнул покрепче и скомандовал – ходу. Идти по дороге, что сворачивает от реки в лес, до самой Сольвы, не ошибешься. И то хлеб, а то почнет Татьяна смотреть – куда идти, еще в Баяновку вернемся...

Пошли. Я выпустил вперед почти всех по причине собственного большого «умения» ходить на лыжах. Сзади остались только начальник с Надеждой.

Сначала шли кучно, что-то около пяти минут, потом начали растягиваться. Кто побыстрее, во главе с Витькой, уходили вперед. Сергея с Юлей я скоро догнал. Оглядываясь назад, видел, что Надюша совсем скисла. Ужо намается с ней кэп.

Минут через тридцать я, что называется, врубился. Известно, что самое главное – не видеть ничего, кроме трех метров дороги впереди себя, не думать ни о чем вообще и двигать конечностями ритмично, тогда идти будет легко, пойдешь автоматически, меньше уставая. Идя

⁶⁵ Замечу, что ни о каком платном входе в заповедник и речи не было. Даже о «добровольных взносах на нужды». Да и печать МКК существенно облегчала процесс общения с егерями (это же !) **печать**

так, догнал Таню. На мокрой лыжне ее буковые «Бескиды» стали давать отдачу, и идти стало невесело. Мои, божьим попущением плохо, бугристо, смоленные, большой отдачи не давали. Но и вперед не ехали.

Поворот. Дорога, нитка плохой, разбитой лыжни по следу «Бурана». Сосны. Небо. Поворот. Дорога. Сидят туристы, свои. Отдыхают. Иришка весела – интересно, какой у нее рюкзак? Наташка говорит, что на лыжах ей больше нравится, чем пешком – что-то по ней не заметно. Степа улыбается. Через силу, похоже. Эдик спрашивает, что делать, чтобы «Ермак» не тер спину. Святая простота... Про себя думаю – носи пионерский прыщик, отвечаю что-то невнятное. Наташка раздает аскорбинки – и то хлеб. Сережа напряженно соображает, что бы сделать с лыжами. Сашка, как всегда, бодр и весел, относительно остальных.

На переходе от машины к Сольве

Виктора нет: решил уйти вперед. Немного поспорив, догонит ли он пермяков, заметил, что тот вернулся и стоит на повороте метрах в четырехстах. Решил пойти с ним, оторваться от основных масс.

Дойдя до него – он стоял и ждал – с удивлением заметил, что за мной топает Коля Попов. Ладно, поглядим на тебя опосля, я думаю, толпа нас не догонит.

Сколько переходов шли дальше – трудно вспомнить. Витка сразу повернулся и наострил лыжи так, что я еле стал поспевать, а Коля отстал. Я сказал – притормози, он проконстатировал и продолжал двигаться тем же ходом. Ладно, бог даст, не скисну.

Что врубилось в память надолго, это совершенно фантастическое небо, настолько синее, что страшно было смотреть в него, казалось, что земля переворачивается, и можно упасть туда, в глубину невозможную. Сосны, пока смотришь в небо, казалось, отливали резким медным светом, их зелень чернела и пропадала, растворяясь в бездонной сини...

Вышли на поворот – впереди что-то виднеется. Решили, что догнали первую пермскую группу – вторую мы уже давно оставили сзади, они проводили нас недобрыми, а может, просто донельзя уставшими взглядами. Остановились, думали – пусть себе посидят и идут, не будем гоняться. Коля уже выглядел не лучшим образом, да и у меня припекало внутри. Обтер лицо снегом, жестким, как битый лед – полегчало.

Из-за поворота вдруг показалась Ира, за ней – Степа. Вот это да, подумал я, мы ломались, как лоси, а они нас догнали. Не пойдет. Надо посоветовать им подольше отдохнуть.

– А что это там, впереди?

– Пермяки сидят, – ответил я. Витка для уточнения посмотрел в бинокль... и выразительно, но, естественно, беззвучно, пошевелил губами. Впереди стоял сломанный «Буран», который я, по солнечной слепоте, принял за сваленные в кучу рюкзаки. Два мужика копались в его ходовой части. Да, долго б мы ждали их ухода...

Встали, пошли. Лыжи безбожно липли к мокрой лыжне, солнце светило.

Мужики натягивали гусеницу и тихо, устало матерились. По всему видно было, что сидят они уже долго и вряд ли скоро починятся.

– Сколько до Сольвы? – спросили мы.

– Километра два-три.

Три километра! Потом это были всего-навсего две трети перехода, потом, когда мы свыклись с ходьбой, и лыжи ехали на нас, а не наоборот. Теперь же это была астрономическая цифра. Три тысячи метров, шесть-семь тысяч шагов, триста тысяч сантиметров, три миллиона миллиметров!.. Эта цифра означала, что мы прошли около двух третей пути, а как хотелось, чтобы поворот – и Сольва...⁶⁶

⁶⁶ То ли дело было в обледенелости лыжни, то ли в кривости ног, но так и было. Сняли лыжи – пошли. Теперь я считаю с точностью до наоборот, что лыжи лучше.

Идем. На полную. Долго идем – может, пятнадцать минут, может, двадцать. Долго!? Да, долго. Степы нет сзади. Никого нет впереди, и нет карты, которая может ответить, далеко ли еще.

– Надо было отобрать у Влада карту, раз уж мы вперед ушли, – здраво рассудил Витя. Но не ждате же, в самом деле, всех!..⁶⁷

Спустились в какую-то ложбину. Наледь, хлюпает под ногами, и чуть в стороне, под маленькими елками, лужицы вокруг стволов. Вода! Снимаю рюкзак, роняю на снег, беру из кармана витькиного «Ермака» фляжку и иду под елочки. С трудом – ноги-то, оказывается, не гнутся! – приседаю, вытаскиваю из ножен нож, углубляю лужицу настолько, чтобы можно было окунуть фляжку, потом черпаю колпачком...

А потом мы долго-долго пьем тягучую, невероятно холодную, метастабильную, наверное, жидкость, пахнущую теплым, талым снегом, хвойной корой и сияющим небом, которое спокойно смотрит на нас сверху и слепит нас солнцем. Странная штука – человек. Я знаю, что с каждым разом все труднее одевать рюкзак, снова начинать движение, но так и тянет скинуть промокший от спины мешок, расщелкнуть крепления, сесть сверху и протянуть (нет, пока еще – вытянуть!) ноги, закрыть глаза и... И нельзя, а надо – идти, идти...

Отворот налево. «Главный Уральский хребет, 10 км». Оборачиваюсь – Николая и не видно. Пока решаем, куда идти – подходит, плетется еле-еле.

– Что, Коля, перекур?

– Да нет, поплетусь еще, – хрипло выдохнул он. Да, умеет себя до конца отдать. Уважаю. Идем. Идем. Свело ногу – сначала у меня, потом у Витьки.

Идем. Поворот.

– Алилуйя, – негромко и спокойно сказал Виктор. Я понял, что это значит: пришли.

Жердяной заборишко и поляна. Сольва! Выходим из лесу. Впереди стеной, заслоняя полмира, стоят горы. Хребет.

Главный Уральский хребет. Ура ему, он такой великий и могучий! Ура Денежкину, он справа, и снег на нем отсвечивает своей нетронутой белизной! Ура Сольве, трем домам на здоровущей поляне, они простояли века чтобы встретить нас! Ура нам!..⁶⁸

Сначала я снимаю Колю и Витьку, потом он – меня, а серые северные олешки у одно из изб ходят на привязи и мотают тупыми, будто обрубленными, мордами с черными носами. А хребет стоит и дурманит своим величием.⁶⁹

Кто-то направился к нам от одной из изб.

– Добрый день!

– День добрый.

– Дошли?

– Дошли.

– А еще идут?

– Идут.

– И много?

– Много. А здесь уже стоят?

– Стоят, в избе. И вам там места хватит.

⁶⁷ Бумажная карта была одна на группу. При большой удаче ее можно было раздобыть у кого-то или в МКК и «отэрить», как тогда называли создание бумажных копий – ведь был не Хегох, а «Эра». Но разрешение на копию надо было получать у секретчиков или «партизанить», поэтому карту часто просто перерисовывали карандашом на оконном стекле. А бывало, что и без карт ходили «по абрису».

⁶⁸ И разместить бесплатно. Вопрос об оплате и не поднимался, ведь это были дома для гостей заповедника! Хорошие были времена в каком-то смысле.

⁶⁹ И они тогда были. Их еще пасли, сдавали мясо, Бахтияровы поддерживали избы у пастбищ и т.д., теперь все кануло в Лету.

– Ну, ладно, идем туда.

Какое счастье идти без лыж по мягкой желтой прошлогодней траве к избе, к жилью, к отдыху!

– Петрович! – из избы высунулся мужик со здоровой русой курчавой бородой, приятный на вид. Они из Черемуховки, Петрович, руковод, привел сюда пионеров, и будут здесь до понедельника. И мы тоже.

– Хотите – там чай, холодный, правда.

Хотите ли!.. Станный вопрос. Правда, как только рюкзаки упали на землю около дома, а лыжи были прислонены к стене, я почувствовал себя значительно бодрей и с удивлением узнал, что могу еще довольно резво двигаться и светски беседовать с Петровичем и одним из его группы, старшим из ребят, дай Бог памяти, как же его... склероз замучил...

После чая с сухариками я влез в унты и почувствовал себя на восьмом небе.⁷⁰

Мы успели развесить мокрые носки и портянки на стене избы, отдохнуть немного – черемуховцы, хожалые, видно, туристы, показали избу – безоконную коробку с двухэтажными нарами, нижний ярус которых они готовы были нам отдать, правда, вонь в избе стояла, и темно было подозрительно... Кэп придет, пусть решает.

Кто-то показался на горизонте, минут через тридцать-сорок после нас. Таня и Славик. Тут уж мы не скупились на радушие. А рюкзачок-то у Танюши легче пуха тополиного...

– А где Степа с Иринкой?

– А они там – отстали, километр, наверное, с небольшим.

– Что ж они?

– А кто их знает...

Черемуховский паренек позвал показать, где вода, но показался еще кто-то. Лена. Потом Саша, Эдик. За ними только Степа и Ирина. Потом остальные. Кэпа пока нет.

А у Лены рюкзачок ничего, по сравнению с девчачьими – раза в полтора...

Пошли за водой с котелками, Саше с Колей сунули в зубы топор и послали за дровами, нам показали, куда, и предупредили, что дрова – дефицит, идти далече.

Мужики, которые нас встречали, оказались из контрольно-спасательного отряда Североуральской КСС. Вот соседство... Неплохие люди, говорят черемуховцы. Притаскивают «Бураном» три лесины, мы их пилим, одну себе, две – им. Да, мирный симбиоз...^{71 72}

Когда набирали воду, подошел кэп, попросил кружку. Пил с удовольствием, быстро. Ругал девчонок – Надю с Наташкой. Идут, говорит, ..., два шага шагнут и садятся: «Мы устали, мы отдохнем»...

Идем назад с котлами, полными воды. Впереди показываются наши дровосеки, волокут зеленую елку. Вот чудачки – с другой буквы.

Совсем рядом с прорубью с водой – нечто вроде естественного противоядерного убежища, как определил Витька, пятачок радиусом метров восемь, вдавленный в землю, и каменные увалы метра по три с юга, запада и севера.

– Вот здесь и встанем, а избы – нафиг их, – сказал кэп.

Потом поглядел на небо, горы и удовлетворенно молвил:

– А здорово мы всех ... (обманули), ведь на сутки обогнали!..

В самом деле – те группы, что приехали с нами, пошли на Сольву через Всеволодо-Благодатское, а там только пешком, и два дня ходьбы, так что придут они только завтра к вечеру,

⁷⁰ Да. Тяжеленные и довольно холодные унты с коровьим мехом наружу. Их можно было купить, а нормальной теплой обуви еще не было в природе.

⁷¹ Они реально имели право снять группу с маршрута, оштрафовать за неправильное поведение в заповеднике, сообщить в МКК для принятия мер к руководителю, вообще обладали очень широкими правами по отношению к туристам. Вряд ли это было закреплено законами, но о таких возможностях, и никто с этим не спорил. *все знали*

⁷² Так бесплатно же притаскивали! Это современный взгляд на вещи. Тогда был другой.

а начальник, добрая душа, сократил нам путь на тридцать километров и, естественно, на сутки с лишним!..

– Здесь палатку поставите, снег пусть девочки мисками раскидают, а я пока дровами займусь, а то эти... приволокли же... Я еще понимаю, если б они лиственницу завалили, за сухую приняли, без иголок, но елка сырая она ж и не горит... – и кэп отпустил еще пару комплиментов дроворубам.– Пошли, перетащимся сюда.

– Вы руководитель? – подошел сбоку мужичок из КСО.– Пойдемте.

Руковод невозмутимо двинулся за ним, а мы потопали тащить народ и вещи на место нового бивака. Туристы представляли собой картину не первый сорт, здорово побила их дорога. Мы пошутили – сказали, что надо пройти еще пару километров и начали снимать со стены свои носки. Интересно было посмотреть на народ – кто недовольно, но беспрекословно, кто равнодушно, кто со стоном, кто чуть ли не с испугом...

Подошел кэп и тихо матюкнулся.

– Витек, доставай «носок», – КСОшники прикопались к срубленной елке и обещали составить акт в МКК. После вручения носка они успокоились.⁷³

Рюкзаки перенесли. Влад с компанией двинулся за дровами, поручив ставить палатку. Общими усилиями размели с полянки снежок, причем из девчонок двигалась только Лена, Таня делала вид, что двигалась, остальные и вида не делали. А раскиданная полянка выглядела так привлекательно, особенно сухой пяточок в ее серединке – такой, наверное, теплый, приятный, мягкий, уютный... Ирина стояла у кустов и тихо шаталась. Я стаскал рюкзаки в кучу, выбрав помягче, раскинул поверх пенку и сказал: падайте. девчонки повалились, на них бросили спальник – спите себе. Уснули, как убитые. Их прикрыли от ветра стенкой «Ермаков» и стали ждать, когда подсохнет полянка. Лениво сосали карамельки и отдыхали вовсю. Старое костровище Витька раскидал от снега, я огородил его невысоким заборчиком из валявшихся рядом камней.

Раздался рев мотора – на «Буране» подкатил КСОшник. Принесла нелегкая, подумал я, и зря. Он решил помочь нашим навозить дров, ибо в ближайших двух километрах все сушины уже выпластаны нашими предшественниками. Что это он так расщедрился, подумалось мне.⁷⁴

Мнут через двадцать КСОшник вернулся, таща на буксире три лесины. Alarm! и зашумела пила.

Приехал сзади за КСОшником кэп, глянул на кучу рюкзаков, глянул под спальник, сказал недовольно: «Это что еще за?..» Выяснив ситуацию, разрешил – пусть лежат.

Напилили дрова, наготовили колышки и принялись ставить палатку. Колья в землю не шли, и растяжки зацепили за деревья и принесенные валуны. Ничего, быстро поставили, если учитывать, что все устали, и шевелиться людям не хотелось.

Костер горел, и что-то варилось, будоража пустые желудки запахом пищи. А проглотили ее так споро, что я уж и не помню, чего глотал...

Перед ужином кэп собрал комсомольское собрание, как он выразился, в шатре, лежа.

– Есть две возможности, – провозгласил он.– Либо завтра идут все, а дежурные, то есть проштрафившиеся, – он выразительно посмотрел на дровосеков, и общество гыгыкнуло, осожалев по-новому потерю «носка», – остаются в лагере. Либо завтра идет половина покрепче, послезавтра – все остальные.

⁷³ Этого ! Реально! МКК имели вес, которого сейчас у них и близко нет. **боялись**

⁷⁴ Так «носок» же! Кроме того, люди были людьми. Дети? Надо помочь. Не дети? Так люди же, надо помочь. Сейчас я просто обожаю заходить в поход из поселка Вёлс, где остались ещё советские люди, где без разговоров пускают обогреться в пожарный гараж, а то и переночевать в школу. Я люблю этот поселок и этих людей, спасибо им огромное за то, что помогают не до конца утратить веру в человечность человек.

Дружно проголосовали за второй вариант. Кэп подытожил: завтра идут Витя, Сергей, Затонский, Лена, Степан, Юля и Татьяна. «Была б погода», – подумали хором вышеозначенные.

К вечеру погода особо не испортилась, но на звезды потихоньку наволакивало подозрительные облака. Они были необычайно растянуты и истерзаны отрогами хребта, но высокая хмарь держалась устойчиво. Настроение было приподнятое, все слегка возбуждено предстоящим, шутили и смеялись по пустякам, потому что уже отлежались, отсиделись и отходились после долгого перехода, и силы бурлили.

На костре что-то сушилось и дымилось, идилически пованивая и угрожая упасть в котелок. Котелок благоухал ужином – бурлившие силы требовали килокалорий. Некоторые личности, которым очень уж хотелось выспаться, полезли спать, не дожидаясь ужина, но большинство ходило вокруг костра или не слишком далеко около.

Ужин был вкусен и продолжителен. Выпили весь чай и хотели еще, но наиболее трезвые умы забеспокоились, кабы чего не произошло ночью непредвиденного, и погнались народ в палатку.

В палатке случился скромный инцидент. Эдик слегка задержался у костра (или где-то неподалеку), а Коля, лежавший в соседнем спальнике, начал активно воевать за территорию, дабы не тесно было спать, и так успешно, что Эдику осталось около десяти сантиметров жизненного пространства. Тот возмутился, но залезть не смог. Мы сжались так, что Костя выдохнул и не мог вдохнуть долго, а когда вдохнул, то просочившийся в спальник Эдик выдохнул. Так они и дышали, пока более-менее не установилось динамическое равновесие. При этом возник такой базар... Соседи не желали уступить лишние пять сантиметров с таким упорством, и все это под шуточку, со смешком, что даже я обиделся – воздержусь от серьезных комментариев. Витька вполне серьезно пообещал, что не скажет соседнему спальнику больше ни разу ни «доброе утро», ни «спокойной ночи», но и это не подействовало. Расшалились, ..., не оставишь...⁷⁵

Ночью было происшествие. Божьим промыслом я проснулся от какого-то хлопка, и увидел, что лыжа, опора шатра, провалилась в дыру, где была привязана, и купол медленно падает, слегка вздымаемый порывами ветра. А дуло так, что по палатке бродили приличные сквозняки, и народу не хотелось вылезать. Я выскользнул из зажима Эдик-Костя и подпер палатку. На ребрах заиграл свежий воздух. Секунд через десять вылез опухший от неудачного соседства Славик. Проблему с дырой решили просто – одели на конец лыжи валенок и уперли в потолок. Когда, подрожав минуту, залезали в спальники, раздался могучий треск – сломался носок лыжи. но палатка устояла, сечение валенка не позволяло ему проникнуть в отверстие, и я, мысленно плюнув, уснул опять.⁷⁶

⁷⁵ Какая страшная угроза, да? Мы, старше их на год-два, право, были о себе очень высокого мнения.

⁷⁶ Это черная зависть и похвала, на самом деле. Опух, значит, не спал, значит, девочка была согласна всю ночь прообниматься – разумеется, не более того.

День 4. 26 марта 1988 г., суббота. Первое восхождение

Это был главный день, из-за которого мы полтора суток торчали в поезде, день шли, и еще сорок четыре километра предстояло преодолеть – до Всеволодки. В этот день мы должны получить вознаграждение за перенесенные трудности и сохранить воспоминание об этом хотя бы надолго, если не получится навсегда. И я ждал, что впечатление будет огромно и невмещаемо, прекрасно и величественно. Помню свой первый поход на Усьву и чудесное чувство, которое долго хранил в себе, но в дальнейшем такого не повторялось, видимо привык или черств слегка стал, невменяем в определенной степени. А хотелось бы.^{77 78}

Собирались долговато. Руковод слегка нервничал. Вчера, когда уже улеглись все страсти, часам к одиннадцати ночи, вернулась сверху группа из Набережных Челнов, а ведь ушли они наверх часов после десяти. Кэп не хотел возвращаться затемно.

Мы с Витькой спросили – обязательно ли брать лыжи? Нет, сказал Влад, но я поеду вниз от Желтой Сопки, а вы, естественно, потопаете пешком. И черт с этим, дружно сказали мы и, скинув лыжные ботинки, напялили унты.⁷⁹

Подниматься, как вчера в двух словах объяснил кэп, предстояло следующим образом. Сначала на отрог Денежкина, Желтую Сопку, 852 м., потом по ней дойти до самого массива, и подъем до 1492 м. В длину – двенадцать километров в один конец. Если впереться туда с рюкзаками, это будет перевал категории 1А и, соответственно, кусочек горного похода первой категории сложности. Вообще, Влад не очень-то распространялся, что и как, видимо, считая, что ему виднее. Это мне не шибко нравилось, но я не протестовал, так как жираф действительно был длиннее, в прямом и переносном смысле, и на Денежкин шел в восьмой раз. Больше, чем я – на Усьву.^{80 81}

Вышли. Влад со Славиком встали на лыжи и попёрли впереди. Таня со Степой было тоже, но они свои лыжи вскоре закопали в снег около дороги.

Шли ходко – еще бы, без рюкзаков и не так идти можно. Минут за пятьдесят дошли до подъема на сопку – как утверждал начальник, четыре километра. Мне показалось, что не больше трех. Потом кэп сказал: «Масса!», – заземлился и стал сосать бычок. Девушки питались снегом. Вокруг начинались красивые места – лес становился суровее и холоднее, и больше напоминал наш темный Западный Урал, чем лес вокруг Сольвы или по Кривинской дороге. Сольвинский лес уже остался внизу, а горделивый Уральский хребет, казалось, поднимается вместе с нами, становясь все выше и выше, взлетая над окружающей местностью. Небо над хребтом было невероятного густо-синего оттенка близкой грозы и быстро светлело выше отрогов до белесости туч. Еловые лапы покачивались на фоне этого великолепия от ветерка, пролетавшего поверх, но внизу было тихо. Настроение было подходящее: дайте мне точку опоры, и я Бог весть, чего натворю.⁸²

⁷⁷ Вероятно, получилось. Тридцать лет это уже почти навсегда, ощущения в наличии. Первые походы все же запоминаются лучше, чем сто тридцатые.

⁷⁸ Первый поход на Усьву состоялся в 1986-м, описываемые события в 1988-м годах. Что за

⁷⁹ Балбесы, что еще сказать. Сейчас мне сложно представить, как можно отказаться от такого удовольствия – съехать вниз с горы по дороге, а значит, без крутых поворотов, торможений и падений, что характерно при спуске по протропленной в лесу лыжне. Кроме того, если ноги растут не совсем из задницы, на лыжах еще и быстрее в несколько раз.

⁸⁰ И от того, что без рюкзаков, сложность несколько не меняется. 1А и 1А.

⁸¹ Напомню, что речь о молодом человеке, только что отбывшем двухлетнюю изоляцию в Советской Армии, то есть все его 8 походов по Денежкину состоялись в школьные годы и перед службой.

⁸² Сейчас это очень легко проверить. Идем на любой ресурс с картами и космоснимками, находим Сольвинскую поляну, включаем линейку и видим, что до скал на Желтой Сопке ровно 4 километра. А что такое «до подъема» понять сложно, это может быть и два, и два с половиной, но точно не четыре. Видимо, 2,5, раз дальше «». И все же не особо, видимо, «ходко» мы шли эти 50 минут. *Сольвинский лес уже остался внизу*

Подъем резко стал крутым. Влад со Славкой оставили лыжи, и все двинулись пешком, старательно толкаясь палками, которые кэп сказал взять с собой вместо ледорубов. Особо старательно толкался Сережа, и я приотстал слегка: ведь если зацепит, то это опасно...

Сопка желтела по мере возвышения. Вместе с этим, тайга переходила во что-то вроде тундровой растительности. Над желтой прошлогодней травой, цеплявшейся за желтый каменистый грунт, стлались деревья, напомилавшие по форме костер, в которой с силой дуют сверху. У прямостоящих деревьев макушки притупились, как обрубленные – тонкие хлыстики здесь не котируются, ветром снесет. А ветер потихоньку крепчал, и когда мы из «тундры» перешли в пояс арктической пустыни, где уже не росло ничего, задул сильно, подгоняя нас сзади. Хорошо, что не спереди.^{83 84}

Выходим из лесу на Желтую Сопку

Вышли на вершину сопки, полюбовались назад. Море леса без единого просвета до самого хребта, и единственный прогал – Сольвинская поляна, да еще дорога, по которой мы шли, изредка проблескивает сквозь деревья. Красота! С сопки видны небольшие горы, мимо которых мы ехали и шли от Крива, а на самой макушке – маленькая черная будочка, автоматический метеорологический пост. Витька все интересовался, где же радиотрансляционная станция, про которую написано в Детской энциклопедии, но, видимо, составлявшие ее слегка перехвалили достоинства массива Денежкин Камень. РТС мы так и не видели.⁸⁵

Руковод сразу спрятал группу от ветра за гребешок сопки, где были небольшие ровные плато, и группа сразу же начала растягиваться. Таня подкисала, Юлия, рядом с которой мужественно, но бесполезно, шел Степа, отставала. Меня все время в этом отношении удивляла Лена: по сравнению с другими девочками она просто железная. Никогда ни жалоб, ни стонов, и якорем не виснет, да еще фотоаппаратом щелкать по дороге успевает. А не такое уж это простое дело – пока прицелишься, пока снимешь, пока то да се – группа ушла метров на двадцать, а ведь ее догонять надо. А уж если кинокамерой жужжать...^{86 87}

На Желтой Сопке: впереди Денежкин камень

Сопка кончилась. Впереди был спуск метров на сто в каменистый подлесок, таёжку, а за ней – сам Денежкин. Отсюда он напоминал что-то вроде седла в профиль, а сбоку из седла торчало конусообразное возвышение метров 200 высотой. Шеф объявил, что мы обойдем конус по траверсу справа, где поменьше снега и не дует, а потом по левой половине седла подыдемся наверх – на плато. Ну ладно, так дак так.

Подъем из таёжки был каменист и крут в меру, градусов до двадцати. Пошли камешки размером с голову и больше; вроде бы лежали они нормально, вполне устойчиво, но так, пошевеливалась извилина, что не особенно будет приятно, если одна такая голова вдруг прыгнет из-под ноги в сторону.

Дошли до «конуса» и остановились у скалы высотой метров 20, отвесно спадающей вниз. Посидели – здесь не дуло.

⁸³ Нет, конечно. Просто выходили выше границы леса.

⁸⁴ То есть вышли на курумник, обычный немного заснеженный курумник. «Арктическая пустыня», да уж.

⁸⁵ Сейчас вырублено все вокруг заповедника, да и сам заповедник серьезно выгорел в 2010 году. От туристов его охраняют замечательно, не прорваться, штрафы и все такое, но против чего-то серьезного серьезные охранники, как обычно, бессильны.

⁸⁶ А уж как она меня удивляла в ежегодном летнем лагере, куда бесплатно выезжал ГКШ, на прополке рапса и картошки, где все валились, а она полола себе внаклон от начала и до обеда...

⁸⁷ Фотографий за этот поход было безобразно мало на мой теперешний взгляд – 59 полуформатных (то есть 24×18 мм) фотографий Сергея с двух пленок и 31 фотография Лены. Пленка вмещала 36 кадров, если полуформатных, то 72. Но снимать в походе это отдельное искусство, которым никто из нас не владел тогда, да и пленок брали мало. В последние походы я сам брал чуть больше пленки в день, например, 35 пленок на 30 дней, и этого казалось очень много. Теперь цифровые фотки приносят тысячами с очень непродолжительных походов.

– Тут уж фигня осталась, километра два-три, – сказал Влад. Мы слегка возликовали (оказалось, зря). Кэп решил оставить у скалы (в , как я его совершенно неправильно назвал) рюкзак с продуктами. Степан, тащивший его, активно приветствовал такое решение. *дольмене*

Дальше перед нами лежало белое, матово поблескивающее поле с едва заметными вмятинками следов предыдущей группы, с наклоном градусов 30 вбок. Фирн. Руководитель показал, как надо зарубаться, если поедешь, – поднять палку одной рукой повыше, другой схватить ее поближе к основанию, к кольцу, и воткнуть в снег посильнее, если получится. А не получится, добавил я мысленно, оценив взглядом склон, – аминь.⁸⁸

Слева от нас стеной стоял гребень массива, мы шли вдоль него. Справа внизу была котловина речушки Супрей, питающейся водосбором с Денежкина. Котловина была засыпана снегом, и только большие камни и четкий абрис русла выделялись ясно. Впереди и сзади были фирны, а примерно в километре впереди начинался подъем на край супрейской котловины – бело-серый склон метров 400 высотой. Туда предстояло лезть. Вокруг кроме нас не было никого, совершенное безмолвие и тишь – ветер в котловину не пробирался. Если Желтая сопка местами напоминала марсианское плато, то здесь была арктическая пустыня, холодная и лютая в своем белом саване с остриями бурых камней, которые ниже по склону, метров 300, казалось, только и ждали, пока неосторожный турист, набрав приличную скорость, съедет к ним, и уже позабавится хищная пасть склона, перемалывая поскользнувшегося...^{89 90}

Первым поскользнулся Витька. Он зарубился, но взялся за палку не у кольца, а выше, и палка согнулась. Кто-то вздрогнул молча, но большинство, особенно девчонки, закричали, завизжали – «Зарубайся!!»⁹¹

– Спокойно! – рыкнул он в ответ и, потормаживая в меру возможности, выехал на камни, уперся ногами.⁹²

Вот странные люди – неужели они думали, что он не знает, нужно ли зарубаться? Зачем же, спрашивается, орать так, что уши закладывает? Или это – моральная помощь?⁹³

Витька вылез и казался спокойным, значительно спокойнее окружающих. Двинулись дальше, поднимаясь в лоб.

Для девушек цветочки кончились, пошли ягодки. Татьяна постанывала, но шла, поскользываясь так, что я, идя следом, старался покрепче втыкать палку на траектории ее предполагаемого движения вниз, ибо надеяться на то, что я смогу удержать ее обычными методами, например, за шиворот, если она покатится, было весьма наивно. Юльку вел Степа, но, поскольку она не шла, а он не знал, как посодействовать ускорению, двигались они очень медленно. Влад останавливался, поджидал их, замыкающих, и, не давая отдохнуть, топал дальше, а они отставали все сильнее.

Котловина кончалась, впереди уже маячил гребень, и воодушевленная сим Татьяна поскакала прытко. Кэп послал Витьку потащить немного Юлю. Он сходил и вскоре догнал нас со словами: «А они не хотят». Ни себе чего, подумал я и затормозил. После недолгих препирательств ухватил Юльку за руку и стал изображать трактор. Не скажу, чтоб это было веселое занятие, ибо ей все время хотелось сесть и посидеть, а мы уже вышли на верхнее плато, и ветер

⁸⁸ Кстати, эта точка зрения у меня и по сей день не поменялась. Разве что с группами новичков все же было бы разумно самоудержание отработать, а не просто объяснить, и до похода, а не вывалившись на склон. 30 градусов там вряд ли было, конечно, но фирн в конце марта, это и в самом деле довольно скользкая штука. Особенно в наших тогдашних болоньевых курточках и штанишках.

⁸⁹ Не более 300, судя по современным картам. Но тоже немало.

⁹⁰ Не более 100, судя по ним же.

⁹¹ Говорю же: с толпой новичков надо именно отрабатывать приемы. Мы-то еще считались опытными, по сравнению с остальными...

⁹² Явно не триста метров до них было.

⁹³ А что же еще делать??? Молча смотреть?

стал порядка 25 м/с – на нем безо всякого опасения можно было лежать спиной или грудью. Дул он сбоку, ладно, что не спереди; идти было трудно. Слава, наивная душа, при подходе к краю плато снизу уже считал метры – 1300, 1400, 1450... А оказалось, что еще пилить и пилить, вершина маячила впереди. Плато было ровное, устланное небольшими плоскими камнями, по которым двигаться было не слишком удобно. Растительности не было совершенно – в самом деле, какая трава может удержаться на камнях под таким – 60 км/ч – ветрищем? ^{94 95}

С меня усталость как ветром сдуло, идти стало даже приятно. Вокруг было что-то этакое, необычное, почти фантастическое – после арктической пустыни супрейской котловины, после тундр Желтой сопки началась пустошь такая, какую не охарактеризовать односложно. Плато было ровное и длинное, метров 500, за ним была вершина. Оно было покрыто камнями разного калибра – от крупных, рядом с котловиной, до почти что галечного размера в середине. Над камнями безраздельно властвовал ветер, и могучая гора, повинувшись ему, не смела обрасти даже скромненькой травкой. Туристы же, не подчиняясь ветру, как ни сезон, приходили сюда табунами, но гора не хранила их следов, во всяком случае, видимых, и в безлюдье, царившем на ней в этот момент, казалось, что мы единственные, первые и неповторимые, и вообще все это относится к Земле постольку-поскольку, а принадлежит чему-то не нашему, вземному... ⁹⁶

Однако красоты природы в тот момент интересовали меня в небольшой степени. Хотя я, естественно, не пропускал мимо глаз ничего, и душа радовалась спокойному великолепию, рядом плелась нога за ногу девушка, которой все казалось, что не то она от ветра взлетит, не то что-нибудь отдельно отлетит, и юноша, который, как ни странно, внезапно присмирел до неузнаваемости. Юльке хотелось сесть и отдохнуть, а этого, конечно, делать было ни в коем разе нельзя. Степа шел сзади.

Мы приплелись к вершине в полном удивлении. Мрачный уступ был безлюден – где же наши, все, кроме нас и Сергея, уже значительно удалившиеся вперед? Тихо как-то тут, безжизненно...

Сверху показалась радушно улыбающаяся голова Витьки.

– Хотите анекдот? – проорал он. Мы еле слышали, хотя разделяло нас метров пять.

– Хотим!..

– Это не главная вершина! !! – повторил он для надежности, чтоб мы поняли и до глубины души осознали, что это еще не все. Мы осознали. Реакции Степы я не видел, Юлька восстала, а я взглядом поискал кирпич поувесистее для достойного ответа. Но потом решил – не стоит, да и Витька исчез. Попэрли дальше. *Не главная вершина*

Взойдя повыше на камень, обнаружили расщелинку на одно сидячее место, где не дуло. Юлия примостилась туда с нашего и божьего соизволения и заявила, что подождет нас здесь, ибо не может идти, и вообще, у нее болит голова, и ой. Но, как пел Владимир Семенович, и сети есть у нас, и бредни, и не испортят нам обедни все злые происки врагов. Насчет врагов – это для полноты цитаты, а насчет бредней во что. В суконке, в которой я полез наверх, я ходил не в первый раз, и случайно, видимо, минимум с год назад, в кармане у меня оказалась коробочка с таблетками амидопирина, долежавшая до сих пор. Воспользовавшись этим средством, весьма существенным как для настоящей, так и для выдуманной головной боли, удалось настолько повысить жизненные силы девицы, что минут через пятнадцать, когда было одолено еще одно плато, и мы приблизились к (теперь уже точно) главной вершине, где развевались два

⁹⁴ Но, к моему теперешнему удивлению, эффективное – видимо, дело было все ж не в hardware, а в software пациента, и помощь нужна была больше показательная. Иначе буксир за руку по курумке, перемежающейся снегом, кончился бы травмами. Впрочем, вознаграждение за сей подвиг я вскоре получил, как описано далее, и тогда считал его вполне достаточным, и радовался, как ребенок. Кем и был.

⁹⁵ Реально было – 850, 900, 950...

⁹⁶ Далось же мне это сравнение.

флага и стояла радостная наша и еще чья-то толпа, необходимость моральной и физической поддержки, к счастью, надолго отпала.^{97 98}

Вершина дурманила. «Чому я не сокіл, чому не летаю?», вопрошали равнинные украинцы XIX века и не догадывались, что можно набрать 1492 метра высоты, не отращивая крыльев, и вдохновенность вполне заменит пернатый аппарат, а ветер ежесекундно будет напоминать, что улететь можно и без крыльев, только подпрыгни – и унесет. Бурное веселье охватило всех, и силы кипели – «нам все горы-перевалы нипочем, нипочем! мы все горы-перевалы перейдем, перейдем!»⁹⁹

Это было счастье. Весь мир под ногами!!! Журавлев камень на северо-востоке, покрытый лесом, цепь Уральского хребта тянется километров 60 на западе, на северо-западе – Белый камень, три горба, каждый выше тысячи метров, на севере – невысокая цепь змееподобного, черного от леса Хоза-Тумпа, а на юге, в сверкающем поднебесье армадоподобный Конжак, цепляющий высокие, готовые вот-вот прорваться солнечным светом тучи. Вся мощь природы выступила грозно из недр и застыла могучими изваяниями, радуя глаз и придавая силы. В момент, когда мы вышли на вершину, тучи над Пермской областью прорвались, и цепь Главного хребта воссияла ослепительной белизной, и от этого еще радостнее стало: ура! Мы дошли, мы здесь, и мы видим все это!

Влад написал перевальную записку, сложил в полиэтиленовый пакет и под крики «ура» засунул в металлическую пирамидку, хранящуюся в туре, что я и отснял подробно. Народ ликовал. Потом я прикрепил вымпел «турист ГКШ Березники» к одному из флагов, бешено бьющемуся на ветру, и тоже – под «ура». Бедные флаги – сколько им досталось от природы!.. Один уже оборван ветром наполовину, другой – лишен угла, и все равно они вытягиваются по стойке «смирно» под струями воздуха и указывают туристу – ты дошел! Вот она, твоя вершина, отсюда – только вниз, ты наверху!¹⁰⁰

Минут через двадцать, когда все накричались вусыть, подошел Сергей, брошенный по дороге. Как-то не принято у нас юношей, да еще таких здоровых, на буксир брать, вот и плелся он в меру сил (а немного, знать, сил-то оказалось...). Последний кусок от камня Анекдотического он шел под наблюдением, которое велось в бинокль, и под соответствующие возгласы и комментарии. А потом я слез немного пониже, в расщелину, где не так дуло, съел пару конфет со снежком, хотя уже не испытывал такой жажды, как на фирмах, и решил, что вполне Г. Т. О.^{101 102}

Путь назад, как всегда, был легче и меньше впечатлял. Это была работа уже не на достижение Цели, а обыденка, и все, даже девчонки с Сергеем, шли хорошо. Я нашел варежки, оставленные там, где кормил Юльку амидопирином, пожужжал немного, и как-то незаметно приблизился край плато. А дальше все пошло вообще весело, за исключением того, что слегка плутанули и лишний час бродили, ища дольмен с продуктами. Наконец, героические розыски Витьки и Лены увенчались успехом – нашли. Обошлось без инцидентов, за исключением того, что двое на склоне поехали. Серега зарубился нормально, а Степа поскользнулся там, где, как

⁹⁷ Напряженно соображаю, что в 1987 году могло меня заставить сунуть в карман суконки? И не могу сообразить. это

⁹⁸ Ну точно, нужно было внимание, а не аспиринка.

⁹⁹ В самом деле, у молодых людей терпения мало, а метаболизм быстрый. Тут уж или терпение, или метаболизм, не два горошка на ложку.

¹⁰⁰ Вымпел тоже долго не прожил, в 1991 году, когда я второй и последний раз поднимался на вершину, его уже не было. А затем настало время строгого режима и в Вишерском заповеднике, и на Денежкином – ООПТ как могильщики спортивного туризма в России, не главные, но существенные.

¹⁰¹ Скорее, терпения: физически он был значительно крупнее и крепче не только меня, но, пожалуй, и Виктора.

¹⁰² «Готов к труду и обороне». Тогда это словосочетание воспринималось без насмешки, и значок ГТО действительно был желанным (а не навязанным) и вызывал гордость. И получить его было непросто. Кажется, даже поход (заявленный в МКК!) для этого надо было пройти, эх, где же те времена.

он уверял, и ножа не воткнуть, не смог пробить палкой фирн. Если бы камни, на которые он выехал, были метров на сто ниже, не позавидовал б я ему.^{103 104}

Татьяна теперь топала, как по бульвару, наплевательски относясь к тому, что под ногами, и я удивлялся, как это и она не прокатилась. Ей было весело. Она беззаботно щебетала и с сокрушительным видом констатировала, что кэп устал, бедняга, намотался. Понятно: руковод устает не столько физически, сколько морально, но я бы больше внимания обращал на контингент, будь я на его месте. Может быть, конечно, это и неправильно.¹⁰⁵

В дольмене ждал приют и ужин. Все немного расслабились, а кто – и много. Юле пришлось скормить вторую таблетку. Килька в томатном соусе и халва делали свое дело: внутри потяжелело, захотелось сидеть, не рыпаясь, обсуждать неспешно и со вкусом философские вопросы, созерцать величие природы... Последняя как мудрый советчик дала понять, что не стоит этого делать – ветер немного изменил направление, и стало поддувать. В такой атмосфере долго не усидишь.¹⁰⁶

– Попэрли! – объявил кэп и кряхтя поднялся. Попэрли, что поделать.

Солнце добралось, наконец, и до нас. Идти стало приятнее в том смысле, что природа оживилась и не казалась мрачной. Однако, мы дружно благодарили небо за то, что оно не прохудилось, пока мы были наверху. Сейчас фирны слепили бы глаза почище зеркала, скользили и расплывались под ногами... Ничего, вобщем, хорошего.

Начальник рвал когти. Ему надоело шататься по горам, он спешил спуститься вниз, к палатке, котелку и спальникам. Энергия в нем бурлила и увеличивала частоту мелькания ног. Витька шел с ним рядом и активно сочувствовал этому намерению. Девчонки, в конце концов, взмолились: «Влад, ты хоть бы бычок выкурил, что ли...»

– Ага, – отреагировал тот, – вот и кончилась антиникотиновая кампания, теперь просить будете... А он последний, – с сожалением констатировал кэп, достав «Астру» и кидая коробку, куда подальше. Уселись.¹⁰⁷

Витька сидел с невероятно недовольным лицом и «Ермаком» на спине. Я все больше с кинокамерой. Влад, отсмолив окуроч, отвалился на спину и прикрыл глаза. А может и нет: светило солнце, он был в защитных очках. Танюша, вся из себя веселая, сидела с выражением лица – что бы такого сделать плохого. Нашла, что: начала кидать снежками в кэпа. Тот отнесся индифферентно, но Слава, добрая душа, ввязался в перестрелку. Детки доигрались – Влад изъяснился насчет того, что у кого-то сил слишком много, и завершил недлинную реплику обычным энергичным «попэрли», к которому он все чаще стал прибегать. Желтая сопка кончилась как-то даже внезапно, мы спустились в лес. Влад со Славкой встали на лыжи и приготовились к слалом-гиганту, но мы резво перевьючили с Витьки на него групповой рюкзак и придали ему ускорение с напутственной речью. Интересно, как ему удалось доехать без травм и всего прочего того, что он явно мог заполнить?¹⁰⁸

¹⁰³ Значит, не такой уж сильный ветер был, раз не выдуло и не унесло. Но правда, казалось, что очень сильный, и лежать на нем так было можно.

¹⁰⁴ Приемники системы GPS еще не придумали, приходилось полагаться на зрительную память и, необходимейшую компетенцию походника. *чуйку*

¹⁰⁵ Да, следующие 30 лет показали, что эта глупость в голове у меня осталась до сих пор. Впрочем, может, и Влад всю группу краем глаза видел, контролировал и просто считал, что, не сахарные. *нефиг, нафиг*

¹⁰⁶ О перекусе копченой колбасой тогда никто и не Сло и то было только на рынке, и дорогое, и не всегда. На чем только не ходили, чем только не перекусывали. *замечывался.*

¹⁰⁷ В его оправдание могу только сказать, что коробки папирос не покрывались целлофаном, и будущее этого куска картона было непродолжительно и печально.

¹⁰⁸ И вправду, рамный «Ермак» был рюкзаком-палачом. Даже небольшой груз на спине сильно ухудшает устойчивость, кто несколько реальных лыжных походов прошел, тот без рюкзака вообще не падает на спусках. А при падении с некоторой вероятностью можно было получить верхней поперечиной рамы в основание черепа с понятными последствиями. Поэтому лыжники «Ермаки» не жаловали, да вот у нас настолько ничего тогда не было, что «станок» считался шиком и верхом совершенства.

До лагеря мы с Витькой шли вдвоем. Впереди маячила Лена, еще дальше – Степан, остальные отстали, хотя мы особо не спешили, гуляли, обсуждая прошедший день. Критически, так сказать, оглядывая.

Допэри быстро, по времени прикинули, что уж никак не пять километров до Желтой сопки, максимум три. Приятные были километры, за исключением того, что Таня с устатку не усмотрела в сугробе, куда прятала, вторую лыжу, пришла на «базу» с одной, и Эдик с Сашей благородно сопровождали ее потом к месту захоронения. Нашли, к счастью.

Встреча была роскошной. Оставшиеся внизу, наслушавшись вчера ужасов про восхождение, не пожалели сил – вычистили палатку, напластали дров, сготовили обед (ужин). Одну лишь ошибку совершили – мало сготовили питья. И как мы не выпили всю Сольву, не боясь застудить горла? Ребята старались максимально помочь нам отдохнуть, так что аж приятно было и несколько неудобно: не успеешь пить захотеть, а мимо, как специально, кто-то с кружкой проходит и так ненавязчиво вопрошает:»?»...

Ели суп с шестеренками – Надя, перезнакомившись со всеми окружающими группами, сменяла у кого-то рожки на «звездочки», потом принялись за чай. В него, кроме «№36, 1 сорт» всыпали зеленой, вылезшей из-под снега брусники, мяты, каких-то еще травинки, взятых с собой, и для вкуса – ложку меда. Ох и чай был!.. Я оглоушил три кружки и рискнул бы четвертую, но он, к сожалению, кончился. Влад, к тому же, приказал зампомначхозше «не жать» сахар, и все брали – кто во что горазд. Я, как всегда, три кусочка на прикуску, а Витька семь штук на кружку ухватил, и доволен был.¹⁰⁹

Сухой спальник – залог крепкого сна!

Вечерело. Зачем-то залезли с Витей в златоверхий, где наблюдали интересную картину. Таня с Юлей лежали в спальнике. Вдвоем. Татьяна пыталась послужить печкой для Юльки, которую, наверное, от нервов поколачивало. А может быть, просто замерзла наверху и отойти не могла. Инженерная мысль Татьяны спала накрепко. Надеяться на сугрев, лежа лицами друг к другу вдвоем в раскатанном «комбайне» на четырех человек по меньшей мере наивно, тем более, что большие отверстия во входной части спальника, будучи, как я понимаю, оставленными не иначе как для вентиляции, функционировали отменно. Конец этому делу виделся такой, что завхоз жалобно осведомилась, скоро ли наш могучий костер изготовит нечто вроде питья погорячее?... Сказав, что не скоро, так как костром заведуют опытные сотрудники ЮДПД, мы проявили техническую смекалку и подоткнули спальник со всех сторон, закрыв щели. Радикального облегчения это не принесло, потому что Таня уже, похоже, была сама не прочь об кого-нибудь погреться, а кэп, наплевательски относясь к чаяниям опекаемой, завернулся в другой комбайн и дрых в противоположной стороне шатра. Хорошо быть руководом! Пришел, поел, сунул Степану ботинки, сказал – высуши («пожалуйста» подразумевалось) и – на боковую. Несчастный же рядовой турист стягивает унты, взвешивая в прохладном свежем воздухе тихие выразительные фразы, лезет к костру, куда не пропихнуться, ибо всех желающих не перечесать, старательно и, как правило, некачественно (надоедает!..) сушит сам, твердо зная, что, поставь у костра и уповай на Аллаха, через полчаса не унты – испанские сапоги будут, ноги не всунешь, а то – и сгорят до подошвы... Потом сушит все матерчатое и только после этого начинает просыхать и прогреваться сам, если дым от костра не прогонит – а он едкий, дым-то, ни дохнуть, ни глянуть... Потом с тихим благим матом сует как ни попадя «высушенное» в рюкзак и воображает, что Г. Т. О., а также готов к завтрашнему дню. *Santa simplicitas!*^{110 111 112}

¹⁰⁹ Ничего удивительного: обычное очень быстрое обезвоживание при низкой температуре и сильном ветре. В лыжных походах вообще всегда воды не хватает, тем более, после восхождений. Лёгких пластиковых бутылочек, чтоб за пазухой хоть поллитра теплого чая нести и прихлебывать, еще не изобрели, а алюминиевую солдатскую фляжку кто ж туда пихать будет. Поэтому даже и перекусывали, заедая кильку (полторы рыбки на туриста) снегом, тьфу.

¹¹⁰ Точнее, на трех нормальных человек или четырех комсомольцев. Последние, независимо от габаритов, были согласны

– А и что я мучаюсь? – возопила в конце концов Татьяна.– Засуну-ка я ее (в смысле – Юлю) между вами на ночь, чтоб ей жарко было!..

Соломоново, мягко говоря, решение. Но, поскольку мне с ней на следующий день надо было дежурить с утра – Саша, ее напарник, собирался наверх и все ходил, выспрашивал, как и что – причин решить так было хоть отбавляй. Да и стороны не протестовали.¹¹³

На ужин была каша, есть которую не хотелось, и компот, который проглотили беззвучно, не задумываясь о возможных ночных трудностях. Собирающиеся наверх с тревогой посматривали на небо, где ползли тучи, закрывая великолепный Орион, склоняющийся к кромке хребта и сияющий вовсю. Луну уже укутало, как одеялом, и лишь слабое мерцание по кромке гор выдавало ее присутствие. Сириус, ярчайшая звезда неба, стоял в афелии, на предельной для себя высоте, подмигивая бело-зеленым глазом: «Ну, как?..» Шумели сосны вокруг, а за соснами шумели туристские группы – много их пришло сегодня, не скучно завтра нашим наверху будет. Если, конечно, погода будет. А нет... Вот и ходят они, вот и вглядываются в черное небо с черно-серыми тучами вопросительно, и добрые души пророчат наутро солнышко. Нехай. Я подмигнул Сириусу, проверил, на месте ли ковшик Большой Медведицы, и полез спать.¹¹⁴

Витька уже лежал, я тоже заполз, и Таня торжественно произвела укладку замерзшей между нас. Эдик занял ее место рядом с Сашей. Бедняги! Один не греет, другой скрючивается... Ладно, пусть учатся, а то вон – Татьяна, специалист же по спальникам, а умения никакого, даже обогреть не может, как выяснилось.

На сей день успокоились быстро. Одни устали, другие, готовясь к восхождению, жаждали выспаться. Но утомонились не все. Лежа между мной и Витькой, Юлька очень скоро согрелась настолько, что сначала решила избавиться от свитера (бог мой, завхозина ее еще бы в ватник облачила, потом грела!), а через некоторое время стала порываться вылезти из спальника и пойти прохладиться наружу. Эти порывы я, конечно, моментально пресек, но потом что началось...

Я понимаю, в тесноте – оно не для всех не в обиде, тем более, когда рядом семьдесят витькиных килограммов, и они время от времени поворачиваются, при этом какая-нибудь конечность идет по дуге и, доходя до соседки, производит такое изменение количества движения, что я въезжаю в стенку. Но метод борьбы с такими прецедентами она выбрала довольно странный: начала вращаться с частотой в пол-Герца то по, то против часовой. Когда мой вестибулярный аппарат окончательно сдал, я мысленно плюнул на все это, развернулся носом в стенку, принял теплоустойчивую позу и слегка уснул.¹¹⁵

спать на боку и переворачиваться по команде, лишь бы в поход. Ну, и с девушками это волей-неволей сближало, конечно. При трехместном размещении могла возникнуть конкуренция.

¹¹¹ Юные друзья пожарных дружин, одно из многочисленных пионерско-комсомольских общественных объединений

¹¹² Таким и вправду, наверное, хорошо быть. Не знаю. На себе так и не проверил за тридцать лет.

¹¹³ Особенно я, конечно.

¹¹⁴ И ни одна не платила за заповедник, избу или дрова. Да, да, да, кто о чем, а вшивый – о бане.

¹¹⁵ А семьдесят ли? При метре восемьдесят семь? Или мы тогда были настолько стройными?

День 5. 27 марта 1988 г., воскресенье. Второе восхождение

Вставать пришлось в шесть. Было холодно и немного ветрило. Подлый сквозняк щупал ребра, заползая под суконку, и ребра поеживались. Отлежанный бок (доджентельменничался) гудел. Физио, как можно предположить, опухло, а омыть его ледяной сольвинской водой я долго не мог решиться.

Костровище остыло, дрова были неколоты, а топор, как ни странно, поплясывая и подрыгиваясь, колошматил куда попало, только не куда надо, сучки не кололись, «колодец» не складывался... Полный букет утренних удовольствий. Юлька бродила неприкаянно, потом принесла воду и охаживала круги вокруг негорящего костра. Я щипал лучину и мысленно выражовывался по поводу букета.

Но все, в том числе и природная подлость, имеет предел. Дрова возгорелись, стало тепло, Котелок грелся – полный порядок. Я получил пару комплиментов насчет ночи – оказалось, я не хуже Витьки каратэ занимался, только когда?! Вроде, за всю ночь раза три перевернулся...

Природа просыпалась. Лапша варилась. Как время подошло к первой пробе, я заколошматил по миске и объявил подъем.

Первой вылетела, лязгая зубами, Лена и пулей – к костру. Не помогает Сережа от мороза, видать... Как истая хозяйка, она поинтересовалась, сколько чего поклади, отругала молодую хозяйку за плохую дозировку в пух и прах, впрочем, весьма корректно, и поправила дело. Лапша сварилась моментом – Лена пришла, тут уж как ни бурли, ни возмущайся, а деваться некуда – сваришься...

Кэп вылез пасмурен. Ему мало хотелось переться наверх, а может, была другая причина, ибо Татьяна вылезла столь же пасмурная. Эдик в нервном возбуждении вздрагивал. Коля вытягивался. Костя примерял унты Вити, они были велики, и оба их подгоняли. Саша собрался раньше всех и бродил.

Лапшу съели, и кэп сказал мне: «Ну, собирайся». Дело в том, что вчера, поглядев на идущих кадров, я сказал ему вполголоса, что если завтра я понадоблюсь наверху, то я не против. Тот не отреагировал по своей обычной манере, а вот теперь «родил». Thank you – долго ли мне собраться? Единственно что, знай я о предстоящем, позаботился бы, чтоб выспаться, а то и спал – то часа три...

На сей раз собирались долго, а может быть, и не долго, но Влад нервничал и попэр вперед, когда не все еще были готовы: Ирина экипировалась, а Надя с Леной отлучились в лес. Догоняли бегом. В этот день я шел абсолютно спокойным, даже без особых эмоций – твердо знал, зачем иду, и морально доготавливался. Молодежь нервничала. Руководитель торопился. Куда уж он спешил, покрыто мраком, но по дороге мы со свистом обогнали какую-то группу, которая долго не хотела дать нам это сделать, но шли они хиловато против Влада. До первого перекура отмахали под самую сопку и остановились на подъеме, оставив группу конкурентов сзади на приличном расстоянии. От туристов шел пар. Кэп двигался с невозмутимым выражением лица и «Масса!» сказал тоже совершенно равнодушно. Все повеселели. Девчонки, восседая на снегу, пели песенки, Костя шастал по кустам, Сашка пошел «минировать» тропу, тоже – чудо, не мог внизу облегчиться. Я глядел на веселых девчонок и уже мало веселую Ирину, резвого Костю и достойно оглядывавшего в бинокль окрестности Колю, и думал, а и что же будет дальше. Вокруг стояла та же безумная независящая от нас красота, и листовничная ветка покачивалась, с сомнением взирая на начинающееся предприятие. Тупые, как обрубленные, концы елей покачивались под слабым ветром – погода была лучше, чем вчера. Природа не давила своей темнотой туч и резким отблеском гор, все было как-то мягче и приятнее. Метров на пятнадцать ниже показались конкуренты.

– Ну что, заминировал? – осведомился кэп и, получив положительный ответ, сыграл ноги.

Вообще наша группа, что первая, что вторая, ходила довольно быстро, быстрее, чем другие туристы. Руководитель любил ходить в темпе, вынуждая молодежь выкладываться. А этого-то она и не умела делать, хотя все старались. Получив указание использовать палки в помощь ходьбе, толкалась так, что мне, замыкающему, пришлось держаться подальше от Коли, а он все беспокоился, как бы я не отстал. Трогательная забота.

Вершина Желтой приближалась, подъем пошел крутой и не очень приятный в том смысле, что идти всем почему-то хотелось по скользкой тропинке, которая была под утоптаным многими туристами снегом, а не рядом, где снег уже сошел. Поэтому приходилось всю толкаться палками, и движения рук стали менее уверенными, устали, видимо. Начиналась пустыня, вернее, приполярная желтая тундра. Я шел, поглядывая, кто как идет – пока все было нормально, хотя лица уже стали унылы. У меня же было хмуро-торжественное, в общем, хорошее настроение. Сопка казалась вполне знакомой, шлось легко, приятно. Проскочил ее всю до таежки, километра полтора, и не заметил. А вот девчонки скисают. Ира шла с Николаем, которые не помогал ей никоим образом; Надя ковыляла сама по себе; Наташка пристроилась к кэпу и вцепилась в него, как клещ: ни шагу назад, ни шагу на места, а только вперед и только рядышком. Костя резвился, прыгая с камня на камень. Я ему наказал, чтоб не вздумал скакать на склоне, а то потом собирай его по кусочкам.¹¹⁶

Желтая Сопка

Прошла таежка, начались большие камни, впереди маячил подъем. Иринка перед таежкой умудрилась на ровном месте с размаху встать коленом на камни, что, естественно, несколько не увеличило ее проходимости. Она постепенно останавливалась, Руководитель нервничал. Он вообще мечтал «сбегать» туда-обратно часов за несколько без больших усилий и злился на отстающих. Я подошел и по молчаливому соглашению начал играть в трактор. Интересное дело – разница в физическом усилии, вроде бы, невелика, но все внимание без остатка уходит в буксир и, научно выражаясь, восприятие природы существенно страдает. Ладно, на природу я смотрел вчера.

Дошли до дольмена, где вчера оставляли продукты. Посидели, погалдели, вперед и наверх поглядели. Заметил, что народ с вожделием поглядывает на край супрейской котловины, вспомнил, как Слава вчера считал метры, и не удержался, чтобы не прокаркать саркастически: бутончики кончились, сейчас пойдут цветочки, а потом и ягодки. К счастью, моя реплика осталась без внимания.

Кэп велел Коле оставить рюкзак. Тот кивнул и полез куда-то вокруг дольмена наверх. Припрятывать, как оказалось. Влад в изысканных выражениях отметил его недюжинную сообразительность и, не дожидаясь, пока тот слезет назад, попэр.

Сам себе нагадал: бутончики кончились. Ирина пошла хорошо, и до самой вершины я уже поглядывал на нее только на всякий случай, но расцвел бенефис Нади. Не то действительно у нее что произошло, не то только солидно показалось, но она через шаг начала останавливаться и стонать, что у нее болит желудок, «то сжимается, то разжимается». Как тут не вспомнить анекдот, где врач приходит к больному, родственники с ужасом сообщают, что последнего «бгосает то в жаг, то в холод, то в жаг, то в холод – что же делать?» А доктор, не будь дурак, отвечает: «А-девать и ррраз-девать, а-девать и ррраз-девать», – и уходит, экономя лекарственные средства. Вот я и занялся примерно тем же. Двигался позади колонны, рядом с Ириной, на всякий пожарный, а Надежда – впереди, раньше-то она была рядом с Наташкой, но теперь та с Владом топала уже Бог весть где, а Надя через шаг останавливалась и делала умирающего лебедя. Я из хвоста отряда по крутому фирну доходил до нее и методом кнута и пряника приводил в движение. Потом дожидаясь арьергарда, так как Ирина шла как-то очень неустойчиво, и я боялся, что она уедет. Через минуту цикл повторялся. Дурной пример заразителен – Костя,

¹¹⁶ Точно. Знакомая дорога тяготит значительно меньше неизвестной.

добрейшей души человек, решил, что мне необходимо помочь и, при очередной остановке, полез по фирну в сторону умирающей. Ниже группы по склону. И, конечно, поехал. Надя тут же скакнула за ним, и просто чудо, как они не укатились вдвоем. Вот ведь, как надо, так и желудок проходит, оказывается. Потом занервничал Коля, ему хотелось идти быстрее, и он провозгласил несколько тезисов в адрес Нади. Пришлось одернуть, кажется, правда, получилось грубо.¹¹⁷

¹¹⁷ Видимо, первый раз на себе ощутила значение выражения «сосет под ложечкой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.